

На правах рукописи

Дмитриев Андрей Владимирович

**РУССКАЯ РЕГУЛЯРНАЯ АРМИЯ
В СИБИРИ (1725–1796 гг.)**

Специальность 07.00.02 – Отечественная история

Автореферат
диссертации на соискание ученой степени
доктора исторических наук

Новосибирск
2018

Работа выполнена на кафедре отечественной истории Гуманитарного института Федерального государственного автономного образовательного учреждения высшего образования «Новосибирский национальный исследовательский государственный университет»

Научный консультант: доктор исторических наук, профессор
Андрей Сергеевич Зуев

Официальные оппоненты:

Дмитрий Алексеевич Редин – доктор исторических наук, доцент, временно исполняющий обязанности директора Федерального государственного бюджетного учреждения науки Институт истории и археологии Уральского отделения Российской академии наук.

Александр Иванович Куприянов – доктор исторических наук, ведущий научный сотрудник Центра по изучению отечественной культуры Федерального государственного бюджетного учреждения науки Институт российской истории Российской академии наук.

Юрий Николаевич Смирнов – доктор исторических наук, профессор, декан исторического факультета Федерального государственного автономного образовательного учреждения высшего образования «Самарский национальный исследовательский университет им. акад. С. П. Королева».

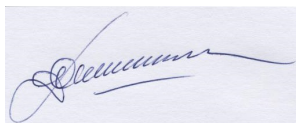
Ведущая организация:

Федеральное государственное автономное образовательное учреждение высшего образования «Национальный исследовательский университет “Высшая школа экономики”».

Защита состоится 3 декабря 2018 г. в 10 часов 30 минут на заседании диссертационного совета Д 003.030.01 при Федеральном государственном бюджетном учреждении науки Институт истории Сибирского отделения Российской академии наук (ИИ СО РАН) по адресу: г. Новосибирск, ул. Николаева, 8, каб. 300.

С диссертацией можно ознакомиться в библиотеке Института истории СО РАН и на сайте Института истории СО РАН (<http://www.history.nsc.ru>).
Автореферат разослан « » _____ 2018 г.

Ученый секретарь
диссертационного совета
кандидат исторических наук

Д. Г. Симонов

ОБЩАЯ ХАРАКТЕРИСТИКА РАБОТЫ

Актуальность и научная значимость темы исследования. Важнейшим элементом любой государственности в мировой истории во все времена является армия. Именно армия обеспечивает сохранение государственного суверенитета, а также одновременно входит в состав системы политических и социальных институтов, которые существуют в каждой стране в отдельные периоды ее истории. Особую значимость «армейский» фактор приобретает в государствах, на определенном этапе своего развития становящихся империями. Имперская государственность напрямую связана с процессами строительства армии и нарастанием военной мощи – только сильная армия способна обеспечить выполнение основных задач, которые ставит перед собой империя: обладание значительными территориями и удержание под своей властью множества народов.

К государствам имперского типа относилась и Россия в XVIII в. Сейчас уже не подвергается сомнению тезис о значительной роли регулярной армии в системе политических и социальных институтов Российской империи. Однако до сих пор высокая степень милитаризации аппарата государственного управления и участие военнослужащих практически во всех сферах жизни страны отмечались историками лишь в отношении времени правления отдельных российских монархов: чаще всего, конечно, Петра I, затем Павла I и Николая I. Роль армии на протяжении других хронологических отрезков в рамках имперского периода истории России все еще остается вне поля зрения исследователей.

Кроме того, почти не уделялось внимания месту регулярной армии в политических и социальных процессах внутри имперского пространства, в региональном масштабе. Между тем, особенности положения частей регулярной армии в отдельных крупных регионах империи придавали этим процессам неоднородный характер, что необходимо учитывать при исследовании механизмов строительства и функционирования имперской государственности в России. Именно на региональном уровне вопросы, например, о роли армии как «социального лифта» в сословной структуре российского общества XVIII в., о соотношении интересов военного ведомства и других учреждений при выработке политического курса имперского государства к настоящему времени либо затронуты фрагментарно, либо остаются «белыми пятнами» в рамках рассматриваемого периода.

Особую значимость имеет решение этих вопросов применительно к Сибири. Положение этого региона на протяжении XVIII в. отличалось рядом особенностей, затруднявших функционирование здесь структур имперской государственности. Среди них следует назвать: отдаленность Сибири, низкую плотность населения, его полиэтничный и поликонфессиональный состав, постоянный дефицит и неоднородность состава вооруженных сил, не-

обходимых для поддержания и укрепления властных институтов на данной территории. До конца первой четверти XVIII в. вооруженной опорой государства в регионе оставались только иррегулярные формирования – команды сибирских казаков. Такое положение диктовало верховной власти настоятельную необходимость замещения казачества частями регулярной армии, поскольку от решения этой задачи напрямую зависела эффективность контроля имперских институтов над жизнью всего населения региона.

Обращение к региональному (сибирскому) опыту армейского строительства послепетровской эпохи вносит значительный вклад в изучение процесса развития регулярной армии Российской империи в XVIII в., помогает определить, какое место занимали контингенты регулярной армии за Уралом в структуре вооруженных сил Российской империи в целом, как и насколько влияли на их положение особенности жизни и службы в Сибири. Эти особенности оказывали прямое влияние на складывание и функционирование механизмов взаимодействия военного командования и воинских частей с центральными и местными административными учреждениями, а также населением региона. Постоянные контакты между военнослужащими, с одной стороны, и чиновниками канцелярий, городскими обывателями и крестьянами – с другой, порождали специфические формы взаимных отношений в пространстве множества сфер повседневной деятельности. Их изучение необходимо для более точной оценки роли регулярной армии как в системе имперского аппарата власти, так и в социальной жизни.

Степень изученности темы. Историография темы исследования делится на два крупных блока. Первый из них включает работы, посвященные истории русской армии и государственной политике в сфере армейского строительства в XVIII в. Необходимо отметить здесь также публикации, не связанные напрямую с военно-исторической проблематикой, но посвященные изучению тех принципов, на основе которых строилась военная служба представителей отдельных сословных групп населения России в рамках имперского государства, а также рассмотрению взаимодействия центральных и местных административных структур при решении вопросов материального обеспечения армии, деятельности военных и гражданских органов управления.

Во втором блоке освещаются те публикации по истории Сибири XVIII в., которые содержат сведения или упоминания о расквартировании и постоянной дислокации на восточной окраине Российской империи частей регулярной армии, их структуре, кадровом составе, функциях и материальном обеспечении. Несмотря на различную ценность содержащихся в них сведений и авторских выводов, определенную тематическую «мозаичность» и (в некоторых случаях) противоречивость приводимых данных, эти работы позволяют установить степень изученности отдельных аспектов армейского строительства в Сибири и сосредоточить внимание на тех моментах, которые до сих пор оставались по большей части вне поля зрения историков-сибиредов.

Характеристику отечественной историографии истории русской армии следует начать с многотомной работы А. В. Висковатова «Историческое описание одежды и вооружения российских войск», вышедшей в 30 частях с 1841 по 1862 гг.¹ Она носила почти исключительно описательный характер. Автор, говоря о тех частях, которые дислоцировались за Уралом, никак не объяснял специфику их положения в структуре регулярной армии и присущие им особенности. А. В. Висковатов просто перечислял собранный им фактический материал, не пытаясь дать оценку тем или иным структурным преобразованиям русской армии или выделить их причины и цели.

Этими вопросами заинтересовалось уже следующее поколение русских военных историков второй половины XIX – начала XX вв., среди которых следует назвать имена М. И. Богдановича, Д. Ф. Масловского и А. К. Баиова². Их сочинения нельзя считать в полной мере научными, поскольку все эти люди были военнослужащими, представителями армейского генералитета или преподавателями высших военно-учебных заведений, т. е. специалистами в области собственно военного дела. Государственная политика в сфере армейского строительства рассматривалась ими скорее как фон для характеристики состояния армии в целом и оценки ее боеспособности в ходе военных кампаний. Специфика региональных процессов армейского строительства (в частности, на территории Сибири) оставалась вне поля зрения этих исследователей, положению отдельных контингентов в структуре регулярной армии они не уделяли внимания.

Комплексным исследованием по истории русской армии стало вышедшее в начале XX в. многотомное юбилейное издание «Столетие Военного министерства. 1802–1902», подготовленное коллективом военных историков под руководством генерал-лейтенанта Д. А. Скалона. В соответствующих томах этого издания были подробно изложены все накопленные к тому времени факты организационных изменений в структуре и кадровом составе русской армии на протяжении XVIII в., а также дана характеристика системы ее комплектования, деятельности органов военного управления и т. д.³ Авторам удалось показать основные этапы эволюции армии Российской империи в XVIII в., установить их логическую взаимосвязь друг с другом и дать оценку того, насколько успешной оказывалась государственная политика в сфере армейского строительства в отдельные конкретные периоды. Вместе с тем, и

¹ Использовано ее второе издание как более выверенное и доступное современным специалистам: *Висковатов А. В.* Историческое описание одежды и вооружения российских войск. СПб., 1899–1900. Ч. 2–6.

² *Богданович М. И.* Русская армия в веке императрицы Екатерины II. СПб., 1873; *Масловский Д. Ф.* Записки по истории военного искусства в России. СПб., 1891–1894. Вып. 1–2; *Баиов А. К.* Курсы истории русского военного искусства. СПб., 1909–1913. Вып. 1–7.

³ *Столетие Военного министерства. 1802–1902.* СПб., 1902. Т. 1; Т. 4. Введение; Т. 4. Ч. 1. Кн. 1. Отд. 1; Т. 4. Ч. 1. Кн. 2. Отд. 1.

здесь фактически отсутствует региональный аспект, специфика положения воинских частей в Сибири никак не раскрывается.

В советской историографии внимание на военно-исторические сюжеты было обращено лишь в середине XX в. Среди исследований, специально посвященных истории регулярной армии XVIII в., наибольшую ценность имеют работы Л. Г. Бескровного. Его перу принадлежали соответствующие разделы в многотомных «Очерках истории СССР»⁴, а в дальнейшем весь накопленный фактический материал был обобщен исследователем в его считающейся до настоящего времени классической монографии⁵. Данное исследование и сегодня остается единственным, специально посвященным истории русской армии XVIII в. Автор детально описал и охарактеризовал все организационные изменения в составе полевой пехоты, кавалерии и артиллерии, гарнизонных войск и инженерных частей, ландмилиции. Но и Л. Г. Бескровный не уделил внимания специфике положения воинских частей к востоку от Урала, хотя упоминал как Сибирский корпус, так и отдельные полки и батальоны, дислоцированные в Сибири.

За последнюю четверть века, с начала 1990-х гг., можно отметить существенное расширение «армейской» проблематики за счет более подробного изучения истории развития отдельных родов войск в составе русской армии XVIII в., вопросов, связанных с материальным обеспечением, бытовым устройством и повседневной жизнью военнослужащих. Безусловно выделяется на общем фоне монография О. Г. Леонова и И. Э. Ульянова по истории регулярной пехоты⁶. Основываясь на довольно значительном массиве как опубликованных, так и архивных источников, авторы проследили все организационные изменения, происходившие с данным родом войск на всем протяжении XVIII в., исправив ряд фактических ошибок и неточных утверждений, допущенных их предшественниками. Гарнизонным войскам в составе русской армии посвящены исследования М. Е. Проскуряковой и И. Н. Плешакова⁷, проследивших их формирование, служебные функции, условия повседневной жизни, взаимодействие с гражданскими властями и населением на материалах Карелии за первую половину XVIII в. и Поволжья во второй половине XVIII в. соответственно. Военная служба частей лейб-

⁴ Бескровный Л. Г. Армия и флот // Очерки истории СССР. Период феодализма. Россия во второй половине XVIII в. М., 1956. 307–320; Он же. Армия и флот // Очерки истории СССР. Период феодализма. Россия во второй четверти XVIII в. Народы СССР в первой половине XVIII в. М., 1957. С. 296–309.

⁵ Бескровный Л. Г. Русская армия и флот в XVIII в. (Очерки). М., 1958.

⁶ Леонов О. Г., Ульянов И. Э. Русская пехота, 1698–1801: Боевая летопись, организация, обмундирование, вооружение, снаряжение. М., 1995.

⁷ Проскурякова М. Е. «Из определенных к Остзею»: Гарнизоны крепостей Выборга и Кексгольма в первой половине XVIII в. Петрозаводск, 2012; Плешаков И. Н. Рать саратовская: очерки военной истории Саратовского края. Саратов, 2009.

гвардии и их положение в структуре русской армии XVIII в. исследовались в работах Ю. Н. Смирнова⁸.

Современными исследователями также изучаются вопросы, связанные с расквартированием войск и постоянной повинностью⁹, соблюдением дисциплины и правонарушениями военнослужащих¹⁰, разработкой и применением военного законодательства и права¹¹. Активно ведется изучение кадрового состава русской армии, прежде всего ее офицерского корпуса. Здесь в первую очередь следует назвать содержательную монографию С. В. Волкова¹², которая обобщает немало сведений, относящихся именно к XVIII в., и освещает особенности системы комплектования, чинопроизводства, боевой подготовки, материального обеспечения и др. Сословное происхождение и механизмы продвижения по службе в офицерских чинах за первую половину XVIII в. изучались в работах Б. Г. Кипниса и Г. В. Калашникова¹³. Кадровому составу армейского генералитета посвящены недавние публикации А. М. Феофанова и С. В. Черникова¹⁴.

Попытки взглянуть на историю русской армии в целом связаны с именами только двоих авторов – В. В. Пенского и И. В. Волковой. Эволюции русской

⁸ Смирнов Ю. Н. Гвардейские недоросли. Сверхкомплектная служба дворян середины XVIII в. // Родина. 2010. № 11. С. 10–12; Он же. Гвардия в военной истории и вооруженных силах Российского государства XVIII в. // Проблемы изучения военной истории: Сб. ст. Третьей Всерос. науч. конф. с междунар. участием (Самара, 24–25 марта 2015 г.). Самара, 2015. С. 131–138.

⁹ Лапин В. В. Постоянная повинность в России // Английская набережная, 4: Ежегодник Санкт-Петербургского научного общества историков и архивистов. СПб., 2000. Вып. 2. С. 135–164; Субботина (Яковлева) Л. Е. Натуральный постой в XVIII–XIX вв.: через льготы к цивилизованным формам отношений армии и населения // Вестник ТамбГУ. Сер. Гуманитарные науки. 2007. Вып. 2 (46). С. 136–140.

¹⁰ Азнабаев Б. А. Воинские правонарушения служащих дворян Оренбургского корпуса во второй половине XVIII в. (по смотровым и формулярным спискам полков и батальонов Оренбургской губернии) // Вестник МГУ. Сер. 8. История. 2004. № 1. С. 101–114; Он же. Правонарушения служащих дворян Оренбургского корпуса во второй половине XVIII в. // Дворянство, власть и общество в провинциальной России XVIII в. М., 2012. С. 494–520.

¹¹ Серов Д. О. Забытые редакции Артикула воинского и «Краткого изображения процессов или судебных тяжб». (Из истории кодификации военного законодательства России XVIII в.) // Lex Rossica. № 2 (Т. LXXV). Февраль 2013. С. 113–121; Он же. Военно-уголовное и военно-процессуальное законодательство России первой четверти XVIII в. (опыт систематического обозрения) // Актуальные проблемы российского права. 2014. № 2. С. 165–173.

¹² Волков С. В. Русский офицерский корпус. М., 2003.

¹³ Кипнис Б. Г. О социальном составе и боевом опыте офицерского и унтер-офицерского корпуса российской армии в XVIII столетии // Экономические и социально-политические проблемы отечественной истории. М., 1992. С. 44–62; Калашников Г. В. Из истории офицерского корпуса русской армии (1725–1745) (Законодательство о поступлении на службу и его исполнение) // Кодекс-Info. СПб., 1999. № 6. С. 70–80; Он же. Учет офицерских кадров русской армии в 1700–1745 гг. // Клио. СПб., 2000. № 3 (12). С. 116–124.

¹⁴ Феофанов А. М. Российский генералитет XVIII в.: социальная динамика поколений // Вестник Волжского университета им. В. Н. Татищева. 2013. Т. 2. Вып. 4 (14). С. 221–229; Черников С. В. Российский генералитет 1725–1730 гг.: численность, национальный и социальный состав // Quaestio Rossica. 2013. № 1. С. 128–143.

армии на протяжении XVIII в. В. В. Пенской уделил внимание в нескольких своих публикациях¹⁵. Однако работы В. В. Пенского все же относятся более к исследованию сферы боевого применения регулярной армии, эволюции ее организационных форм, развитию воинских уставов, военной подготовки и пр.

Монография И. В. Волковой, напротив, посвящена почти исключительно месту и роли регулярной армии в социальной и политической жизни Российской империи¹⁶. Опираясь на широкий круг современных социологических и политологических концепций как отечественных, так и зарубежных исследователей, она предложила оригинальную гипотезу, согласно которой именно регулярная армия, созданная в первой четверти XVIII в., являлась не только главной вооруженной опорой для государственной власти, но и фактически служила средством для перестройки на европейский лад всех тех сфер жизни, в которых действовали военнослужащие. По мнению И. В. Волковой, уже со времен Петра I регулярная армия в России выступала в качестве транслятора преобразовательных установок верховной власти в социальное пространство империи.

Также данная проблематика достаточно активно изучалась в последние несколько десятилетий в англо- и германоязычной историографии. В этой связи можно назвать работы Д. Байрау, Д. Киипа, Э. Виртшафтер, У. Фуллера, Б. Дэвиса, Б. Мэннинга, Д. Хартли и других авторов¹⁷. Почти все названные исследователи считали русскую армию XVIII в. важнейшим фактором не только внешней, но и внутренней политики Российской империи, начиная с эпохи Петра I.

Вопросы внутренней политики в связи с развитием вооруженных сил государства в эпоху Петра I и при его преемниках освещались в той или иной степени и в целом ряде работ отечественных специалистов. Среди них прежде всего следует отметить две монографии Н. Н. Петрухинцева, посвященные детальному разбору политики правительства императрицы Анны Иоанновны (1730–1740) и преобразованиям регулярной армии в 1730-х гг.¹⁸ Попытки

¹⁵ Пенской В. В. Армия Российской империи в XVIII в.: выбор модели развития // Вопросы истории. 2001. № 7. С. 119–137; Он же. Военная революция в Европе и вооруженные силы России второй половины XV – XVIII вв.: от дружины к регулярной армии. М., 2004. С. 242–277.

¹⁶ Волкова И. В. Русская армия в русской истории. М., 2005.

¹⁷ *Beuau D.* Militär und Gesellschaft im Vorrevolutionären Russland. Köln; Wien, 1984; *Keep J. L. H.* Soldiers of the Tsar: Army and Society in Russia, 1462–1874. Oxford, 1985; *Wirtschaftler E. K.* From Serf to Russian Soldier. Princeton, 1990; *Fuller W. C. Jr.* Strategy and Power in Russia 1600–1914. N. Y., 1992; *Davies B. L.* The Development of Russian Military Power, 1453–1815 // *European Warfare, 1453–1815* / Ed. J. Black. L.; N. Y., 1999. P. 145–179; *Menning B. W.* The Imperial Russian Army, 1725–1796 // *The Military History of Tsarist Russia* / Ed. F. Kagan, R. Higham. N. Y., 2002. P. 47–76; *Hartley J. M.* Russia: 1762–1825: Military Power, the State and the People. Westport; L., 2008.

¹⁸ *Петрухинцев Н. Н.* Царствование Анны Иоанновны: формирование внутривластного курса и судьбы армии и флота 1730–1735 г. СПб., 2001; Он же. Внутренняя политика Анны Иоанновны (1730–1740). М., 2014. С. 222–248, 635–708.

верховой власти каким-то образом привести во взаимное соответствие структуру административных органов и вооруженные силы государства, финансы и положение всех сословий в стране (как дворянского, так и податных) после смерти Петра I рассматривались в работах Е. В. Анисимова, А. Б. Каменского, И. В. Курукина, Д. А. Редина¹⁹.

Вопросы, связанные с законодательным регулированием дворянской службы, в частности, на военном поприще, стали активно разрабатываться в отечественной историографии с 1990-х гг. Важной вехой в данном отношении явилась монография И. В. Фаизовой²⁰. Она проанализировала данные о движении дворянских кадров после издания Манифеста о вольности дворянства в 1762 г., соотношении среди них лиц, вышедших в отставку и продолжавших военную службу, и пришла к вполне четкому заключению – фактически вплоть до самого конца XVIII в. возможность избежать обязательной службы оказывалась для значительного числа русских дворян практически недостижимой. Сюжеты, связанные с изучением политики верховной власти по отношению к службе дворян и разработки механизмов регулируемых отставок после 1736 г., когда в царствование Анны Иоанновны был издан манифест об ограничении срока службы для дворян 25 годами, в последнее время подробно исследованы в публикациях М. В. Бабич и И. И. Федюкина²¹. Деятельности дворянства в сферах политической жизни и гражданской активности за пределами рамок государственной службы посвящены работы А. И. Куприянова²².

Переходя к работам, в которых содержатся упоминания непосредственно о дислоцированных в Сибири с 1725 г. частях регулярной армии, начать нужно с сочинения П. А. Словцова «Историческое обозрение Сибири» (М., 1838. Кн. 1; СПб., 1844. Кн. 2)²³. Здесь имеется ряд сведений о переводе

¹⁹ Анисимов Е. В. Россия без Петра. СПб., 1994; Каменский А. Б. От Петра I до Павла I: реформы в России XVIII в. (опыт целостного анализа). М., 2001; Курукин И. В. Эпоха «дворских бурь»: Очерки политической истории послепетровской России, 1725–1762 гг. Рязань, 2003; Редина Д. А. Эффективность местного управления в петровскую эпоху: парадоксы централизации // *Quaestio Rossica*. 2016. № 3. С. 190–216; Алексеева Е. В., Редина Д. А., Рей М. П. «Европеизация», «вестернизация» и механизмы адаптации западных нововведений в России имперского периода // *Вопросы истории*. 2016. № 6. С. 3–20.

²⁰ Фаизова И. В. «Манифест о вольности» и служба дворянства в XVIII столетии. М., 1999.

²¹ Бабич М. В. Манифест об ограничении сроков дворянской службы 1736 г. в системе политики, административной практики и социальных ценностей в России XVIII в. // *Правящие элиты и дворянство России во время и после петровских реформ (1682–1750)*. М., 2013. С. 81–102; Федюкин И. И. «Честь к делу ум и охоту раждает»: реформа дворянской службы и теоретические основы сословной политики в 1730-е гг. // *Гиштории российские, или Опыты и разыскания к юбилею А. Б. Каменского*. М., 2014. С. 83–142.

²² Куприянов А. И. Дворянские выборы в последней четверти XVIII – первой трети XIX в.: от сословной корпорации к институту гражданского общества? // *Российская история*. 2012. № 1. С. 30–43; Он же. Элита московского дворянства и ее роль в формировании публичной сферы // *Культура и менталитет России нового и новейшего времени*. М., 2018. С. 390–403.

²³ Первое издание этого труда малодоступно для исследователей, поэтому предпочтительнее использовать второе издание: Словцов П. А. Историческое обозрение Сибири: В 2 кн. СПб., 1886.

за Урал армейских частей с обозначением мест их дислокации на протяжении второй четверти XVIII в. Авторы трудов по сибирской истории, вышедших во второй половине XIX в., также не обходили вниманием армейские регулярные части. Если у И. В. Щеглова дана только событийная канва, упоминается лишь о принятии решений касательно формирования или передислокаций на восток регулярных войск²⁴, то в соответствующих томах «Исторического очерка Сибири» генерал-майора В. К. Андриевича содержится гораздо более подробная информация, включающая, в том числе, первые данные о численности регулярных частей в составе Сибирского корпуса²⁵.

К сожалению, в дальнейшем, фактически вплоть до начала 1990-х гг., специальных исследований, посвященных армейским регулярным частям в Сибири XVIII в., просто не появлялось. Поэтому приходится обращаться к публикациям по многим смежным сюжетам, в которых так или иначе присутствуют некоторые сведения по близкой тематике. Это относится, в частности, к ряду работ, в которых изучались проблемы заселения и освоения Сибири в XVIII в., а также крепостного строительства в регионе²⁶. Значительный объем данных об организации работ по строительству форпостов и редутов на сибирских укрепленных линиях, переселении и административном переводе на земли в их окрестностях крестьян и казаков, деятельности военного командования на линиях и его взаимоотношениях с гражданской администрацией можно найти в трудах Ю. С. Булыгина, А. Д. Колесникова и Н. Г. Аполловой²⁷. Вопросы, связанные с разграничением полномочий военных и гражданских властей, а также с взаимодействием командования Сибирского корпуса и губернской администрации, довольно подробно рассматривались в публикациях Л. С. Рафиенко²⁸. Работы Л. С. Рафиенко, по существу, положили начало разработке проблемы военного управления в Сибири

²⁴ См.: *Щеглов И. В.* Хронологический перечень важнейших данных из истории Сибири 1032–1882 гг. Иркутск, 1883. С. 217, 238, 278.

²⁵ *Андриевич В. К.* Исторический очерк Сибири. Иркутск, 1886. Т. 2. С. 186–205; Томск, 1887. Т. 3. С. 74–118; СПб., 1887. Т. 4. С. 125–162.

²⁶ См., напр.: *Покшишевский В. В.* Заселение Сибири (историко-географические очерки). Иркутск, 1951. С. 49–50, 102–103; *Горбань Н. В.* Из истории строительства крепостей на юге Западной Сибири. Новошымская линия крепостей // *Вопросы географии.* М., 1953. Вып. 31. С. 206–227; *Сергеев А. Д.* Тайны алтайских крепостей. Барнаул, 1975. С. 14–43; *Прибыткова А. М.* Кузнецкая крепость // *История СССР.* 1975. № 1. С. 231–241; и др.

²⁷ *Булыгин Ю. С.* Формирование земледельческого населения на Кольвано-Кузнецкой военной линии в XVIII в. // *Вопросы истории Сибири.* Томск, 1967. Вып. 3. С. 20–33; *Колесников А. Д.* Русское население Западной Сибири в XVIII – начале XIX вв. Омск, 1973. С. 55–107; *Аполлова Н. Г.* Хозяйственное освоение Прииртышья в конце XVI – первой половине XIX в. М., 1976. С. 122–163.

²⁸ *Рафиенко Л. С.* Следственные комиссии в Сибири в 30–60-х гг. XVIII в. // *Сибирь периода феодализма.* Новосибирск, 1968. Вып. 3: Освоение Сибири в эпоху феодализма (XVII–XIX вв.). С. 136–164; Она же. Политика российского абсолютизма по унификации управления Сибирью во второй половине XVIII в. // *Вопросы истории Сибири досоветского периода: Бахрушинские чтения 1969 г.* Новосибирск, 1973. С. 219–233; Она же. Компетенция сибирского губернатора в XVIII в. // *Русское население Поморья и Сибири (Период феодализма).* М., 1973. С. 364–380.

XVIII в. и изучению роли военнослужащих в имперском административном механизме на восточной окраине государства.

Большинство рассмотренных выше публикаций, как правило, ограничивались только территориальными рамками Западной и Южной Сибири. Данные же о пребывании армейских частей в Забайкалье и Восточной Сибири ввел в научный оборот уже в 1980-х гг. Г. Ф. Быконя. В своей монографии он не только постарался выстроить хронологическую последовательность формирования и передислокации регулярных полков и батальонов к востоку от Урала, но и (по существу, впервые) проанализировал кадровый состав этих подразделений, уделив особое внимание их офицерскому корпусу²⁹. Монография Г. Ф. Быкони внесла серьезный вклад в изучение рассматриваемой проблематики, явившись, пожалуй, наиболее фундаментальным в советской историографии исследованием положения частей регулярной армии на восточной окраине Российской империи в течение всего XVIII в.

Зато на протяжении последних двух с половиной десятилетий, с начала 1990-х гг., можно констатировать значительное расширение тематического поля сибиреведческих исследований и резкий взлет интереса именно к военно-исторической проблематике, рассматриваемой на региональном уровне. В первую очередь об этом свидетельствует множество трудов, посвященных истории сибирского казачества, в которых также приводились сведения о подразделениях регулярной армии, чаще всего в контексте пополнения кадрового состава последних именно выходцами из местных казаков³⁰. Солидный материал о взаимодействии военного командования Сибирского корпуса с линейными и крепостными казаками в Западной Сибири содержался в работе Ю. Г. Недбая³¹. Г. Ф. Быконя в своей недавней монографии отвел целую главу для изложения материалов об армейских частях в Восточной Сибири, а также ввел в научный оборот значительный объем данных об их рядовом и унтер-офицерском составе³².

Активно изучался на протяжении последних двух десятилетий феномен сибирских укрепленных линий, особенно участие в их возведении и дальнейшая служба на линиях солдат и драгун, деятельность военного командо-

²⁹ См.: *Быконя Г. Ф.* Русское неподатное население Восточной Сибири в XVIII – начале XIX вв. (Формирование военно-бюрократического дворянства). Красноярск, 1985. С. 170–220.

³⁰ См., напр.: *Озурцов А. Ю.* Штатная реформа 1736–1737 гг. и служилые казаки Западной Сибири // *Казаки Урала и Сибири в XVII–XX вв.* Екатеринбург, 1993. С. 69–79; *Зуев А. С.* Русское казачество Забайкалья во второй четверти XVIII – первой половине XIX вв. Новосибирск, 1994. С. 14–36; *Ивонин А. Р.* Городовое казачество Западной Сибири в XVIII — первой четверти XIX в. Барнаул, 1996. С. 28–30, 48–50, 80–83; и др.

³¹ *Недбай Ю. Г.* История Сибирского казачьего войска (1725–1861 гг.): В 2 т. Омск, 2001. Т. 1. С. 71–137.

³² *Быконя Г. Ф.* Казачество и другое служебное население Восточной Сибири в XVIII – начале XIX в. (демографо-сословный аспект). Красноярск, 2007. С. 150–218.

вания по организации пограничной охраны³³. В работах, посвященных анализу деятельности аппарата местного управления в Сибири XVIII в., есть сведения о множестве лиц, пополнявших ряды сибирского чиновничества после отставки с военной службы, а также о целом ряде эпизодов и конкретных событий, позволяющих уточнить принципы взаимодействия военных и гражданских властей в тех сферах, где их компетенции пересекались³⁴. Представителям генералитета, командовавшим регулярными армейскими частями за Уралом на протяжении XVIII в., посвящены статьи А. Ю. Огурцова и И. П. Каменецкого³⁵.

А. С. Зуев уделил основное внимание воинским командам, действовавшим на крайнем северо-востоке Сибири (так называемая Анадырская партия)³⁶, а также довольно подробно остановился как на общих организационных изменениях, происходивших с армейскими частями за Уралом, так и на целом ряде вопросов «армейской повседневности», прежде всего, материальном снабжении войск³⁷. Перу С. В. Андрейчука принадлежат несколько статей, а также кандидатская диссертация, в которых детально рассматривались роль регулярных частей Сибирского корпуса в механизме защиты имперских границ за Уралом, структура и функции системы военного управления, участие военнотружущих и командования в хозяйственном освоении региона, внешнеполитических контактах и т. д.³⁸

³³ Огурцов А. Ю. Иртышская пограничная линия // Кузнецкая старина. Новокузнецк, 1999. Вып. 3. С. 19–35; Он же. На Кузнецкой линии // Кузнецкая старина. Новокузнецк, 2007. Вып. 9. С. 40–67; Муратова С. Р. На страже рубежей Сибири: Строительство Сибирских укрепленных линий. Тобольск, 2007. С. 45–101, 112–139.

³⁴ См., напр.: Акишин М. О. Российский абсолютизм и управление Сибири XVIII в.: организация и состав государственного аппарата. М.; Новосибирск, 2003. С. 191–205, 222–233, 243–249, 268–300, 334–364; Ананьев Д. А. Воеводское управление Сибири в XVIII в. Новосибирск, 2005. С. 175–232; Пережогин А. А. Военно-административная система управления Кольвано-Воскресенского (Алтайского) горного округа (1747–1871 гг.). Барнаул, 2005. С. 89–134.

³⁵ Огурцов А. Ю. «Отец милостливый...» (генерал-поручик Иван Иванович фон Шпрингер – командир сибирских войск) // Из кузнецкой старины. Новокузнецк, 2010. Вып. 1. С. 69–92; Каменецкий И. П. Командный состав Сибирских укрепленных линий и его служебная деятельность (1744–1819 гг.) // Гуманитарные науки в Сибири. 2017. Т. 24. № 1. С. 98–102; Он же. Командующие войсками сибирских укрепленных линий и их роль в обороне и освоении Южной Сибири (1744–1819 гг.) // Военно-исторический журнал. 2017. № 10. С. 81–87.

³⁶ Зуев А. С. Присоединение Чукотки к России (вторая половина XVII – XVIII в.). Новосибирск, 2009. С. 131–147, 157–200.

³⁷ Зуев А. С. Численность и дислокация военнотружущих людей на северо-востоке Сибири в 1720–1760-х гг. // Русские первопроходцы на Дальнем Востоке в XVII–XIX вв. (историко-археологические исследования). Владивосток, 2003. Т. 4. С. 80–103; Он же. Жизнеобеспечение гарнизонов крайнего северо-востока Сибири во второй половине XVII – XVIII в. // Сибирь: проблемы истории повседневности XVII–XX вв.: Бахрушинские чтения 2005 г. Новосибирск, 2005. С. 39–58.

³⁸ Андрейчук С. В. Становление Сибирского корпуса: структура, численный состав и принципы дислокации (1745–1771 гг.) // Военно-исторический журнал. 2011. № 3. С. 38–42; Он же. Роль командования Сибирского корпуса в колониальных процессах на юге Западной Сибири во второй половине XVIII – начале XIX в.: внешнеполитические и внешнеэкономические аспек-

Историографический обзор позволяет сделать вывод, что вплоть до настоящего времени проблема места и роли регулярной армии в системе политических и социальных институтов Российской империи XVIII в. на региональном уровне, в масштабах Сибири, еще не становилась предметом целостного анализа. Более того, до сих пор даже не предпринимались попытки соотнести положение воинских частей, дислоцированных на востоке страны, и присущие ему характерные особенности с процессами армейского строительства в общегосударственном масштабе. Обобщающие работы по истории русской армии и государственной политики в сфере армейского строительства в России XVIII в. написаны, как правило, без учета региональных особенностей. Исследования же, непосредственно посвященные регулярной армии в Сибири, носят (за единичными исключениями) фрагментарный характер и вряд ли могут претендовать на то, чтобы ответить на все вопросы, связанные с «социально-политическим измерением» существования за Уралом армейских частей на протяжении XVIII в.

Цель исследования – на основе изучения процесса строительства русской регулярной армии в Сибири с 1725 по 1796 гг. установить, какое положение занимала армия в системе политических и социальных институтов Российской империи в рамках данного региона, определить ее роль в развитии структур имперской государственности в Сибири на протяжении рассматриваемого периода. Достижению поставленной цели служат конкретные **исследовательские задачи**:

1. Выделить отдельные этапы государственной политики в ходе формирования, реорганизации и передислокации частей регулярной армии на территории Сибири, выявить причины, обусловившие принятие тех или иных организационно-управленческих решений;

2. Проанализировать показатели кадрового состава дислоцированных за Уралом армейских частей, дать обобщающую количественную и качественную характеристику контингента военнослужащих в соотношении с иррегулярными формированиями на территории Сибири в XVIII в.;

3. Установить механизмы материального обеспечения и военного управления частей регулярной армии в Сибири, оценить их эффективность в специфических условиях региона и соответствие задачам государственной политики в сфере армейского строительства;

4. Определить разновидности служебной деятельности и повседневных занятий военнослужащих, выяснить, на каких принципах строились взаимоотношения между самими военнослужащими, между военными и гражданской администрацией, населением Сибири.

ты // Исторический ежегодник. 2011: Сб. науч. тр. Новосибирск, 2011. С. 127–139; Он же. Сибирский корпус в системе военной безопасности на юге Западной Сибири (1745–1808 гг.): Автореф. дис. ... канд. ист. наук. Барнаул, 2010.

Изучение собственно боевого применения армейских частей (несение пограничной стражи, вооруженные конфликты) в задачи исследования не входит, поскольку целью работы является определение положения армии в системе политических и социальных институтов внутри страны. Поэтому участие армейских контингентов в боевых действиях, столкновениях с внешними противниками не рассматривается. Данные относительно казачьих формирований также отдельно не изучаются, привлекаясь лишь для определения соотношения численности и состава регулярных и иррегулярных контингентов в структуре вооруженных сил Российской империи в регионе.

Объект исследования – контингенты регулярной армии Российской империи, которые дислоцировались на территории Сибири в 1725–1796 гг.

Предмет исследования – процесс строительства русской регулярной армии в Сибири в указанный период. Он включает организацию и кадровый состав воинских частей, их материальное обеспечение, служебные обязанности и повседневные занятия военнослужащих.

Территориальные рамки в широком смысле охватывают всю Сибирь как ту часть государственной территории Российской империи, которая находилась к востоку от Урала до Тихого океана. В системе имперского административно-территориального деления это – Сибирская губерния, выделенные из ее состава Иркутская губерния (1764) и Кольванская область (1779), а после 1782–1783 гг. – Тобольское, Кольванское и Иркутское наместничества. Однако части регулярной армии дислоцировались лишь в конкретных местностях: прежде всего, на юге Западной Сибири – в Тобольском и Тюменском уездах, в Прииртышье и на Алтае, а также в Забайкалье.

Хронологические рамки определяются спецификой этапов государственной политики в области армейского строительства на территории Сибири в XVIII в. Нижней хронологической границей является 1725 г., поскольку лишь после правления Петра I началось распространение на Сибирь сложившихся за время петровских реформ в европейской части страны кадровых и управленческих структур русской регулярной армии. Верхней хронологической границей является 1796 г. – вступление на российский престол императора Павла I, чье правление ознаменовалось перестройкой внутренней структуры всей русской регулярной армии. С началом этой перестройки воинские части, дислоцированные в Сибири, потеряли значительную часть свойственных им ранее особенностей, стали комплектоваться и управляться на тех же основаниях, что и в других регионах страны.

Источниковую базу исследования составляют как **документальные**, так и **нарративные** письменные источники. К **документальным** источникам относятся законодательные, делопроизводственные и справочные, к **нарративным** – мемуары (источники личного происхождения).

Среди законодательных источников следует назвать, прежде всего, *именные* и *сенатские указы*, адресованные Военной коллегии, командованию Сибирского корпуса, сибирским губернаторам и губернским канцеляриям, а

также *высочайшие утвержденные доклады* упомянутых учреждений и инстанций, подававшиеся монархам. В соответствующих томах первого «Полного собрания законов Российской империи» содержатся более 30 именных и сенатских указов и высочайше утвержденных докладов, посвященных решению тех или иных вопросов, касавшихся регулярной армии в Сибири ³⁹.

Из всего многообразия делопроизводственной документации XVIII в. стоит выделить две основных группы: документы общераспространенных разновидностей, характерные для функционирования большинства центральных и местных государственных учреждений послепетровской эпохи, и специальные разновидности документации, использовавшиеся только в рамках делопроизводства Военной коллегии и подчинявшихся ей канцелярий армейских частей (корпусных, полковых и батальонных). К общему делопроизводству относятся такие разновидности, как распорядительная (*указы* и *распоряжения*), отчетная (*про memorии*, *рапорты* и *доношения*), протокольная (*журналы*, *определения* и *протоколы*) документация, а также *деловые (служебные) письма*.

Указы и *распоряжения* направлялись из Военной коллегии и ее структурных подразделений на места, адресуясь командованию воинских частей; от сибирских губернаторов и губернских канцелярий местным администраторам, уездным воеводам. *Промемориями* обменивались между собой либо равные по статусу ведомства (Военная и другие, например, отвечавшие за финансовую сферу, коллегии, а также Сибирский приказ до его упразднения), либо такие учреждения, чьи сферы компетенции относились к разным, напрямую не пересекавшимся отраслям управления (губернские и воеводские канцелярии, с одной стороны; корпусная и полковые канцелярии – с другой). *Рапорты* и *доношения* исходили от армейских офицеров и направлялись вышестоящему полковому или корпусному начальству, от полковых и корпусных командиров, а также сибирских губернаторов – Военной коллегии или Правительствующему Сенату. *Журналы*, *определения* и *протоколы* Сената отражали ход обсуждения, высказывавшиеся мнения и принятые решения по широкому кругу вопросов армейского строительства, представленных на рассмотрение Сената от Военной коллегии или от Сибирской губернской канцелярии. Материалы *деловой (служебной) переписки* включали обмен письмами между лицами, занимавшими высшие должности в аппарате как гражданского, так и военного управления в Сибири.

Большая часть указанных разновидностей делопроизводственных документов извлечены из материалов ф. 248 («Сенат и его учреждения») Российского государственного архива древних актов (РГАДА). В сенатских книгах находятся документы, исходившие от воинских комиссий, создававшихся на протяжении XVIII в. для разработки и проведения в жизнь каждого очерде-

³⁹ Полное собрание законов Российской империи. Собрание первое (ПСЗ-1). СПб., 1830. Т. 7–23; Т. 43. Ч. 1.

ного комплекса реформ по военному ведомству; переписка Военной коллегии с Сенатом и подведомственными последнему учреждениями; доношения и рапорты с мест, от сибирских губернаторов и подчиненных им инстанций. Также были привлечены журналы, определения и протоколы Сената за 1732–1765 гг., содержащиеся в 15-томном издании «Сенатского архива»⁴⁰, освещающие государственную политику в сфере армейского строительства в указанный период. Значительное количество относящихся к теме исследования делопроизводственных документов также содержится в делах ф. 415 («Сибирская губернская канцелярия»), ф. 517 («Кузнецкая воеводская канцелярия») и ф. 1092 («Пограничные канцелярии в Селенгинске и Иркутске») РГАДА.

В фондах Российского государственного военно-исторического архива (РГВИА), где отложились материалы собственно Военной коллегии и ее отдельных структурных подразделений, указанные разновидности делопроизводственных документов содержатся в делах ф. 20 («Воинская экспедиция»). Здесь сосредоточены дела, касающиеся реорганизации отдельных армейских частей или генералитетских команд, дивизий и корпусов за 1730–1760-е гг. В ф. 12 («Комиссариатское повытье и экспедиции по комиссариатской части») хранится значительная часть делопроизводства Главного кригс-комиссариата – ведомства, отвечавшего за материальное обеспечение русской армии, контролировавшего закупки и поставки обмундирования, вооружения и амуниции.

Кроме того, использовались коллекции делопроизводственных документов XVIII в., находящиеся в региональных сибирских архивохранилищах – Государственном историческом архиве Омской области (ГИАОО) и Государственном архиве Республики Бурятия (ГАРБ). В первую очередь надо обратить внимание на ф. 1 ГИАОО («Военно-походная канцелярия командира Сибирского корпуса»). В делах этого фонда содержатся документы, отложившиеся в канцелярии военного командования за середину и вторую половину XVIII в., как поступавшие в нее от разных воинских частей, так и адресованные полковым командирам, крепостным комендантам и др. Здесь находятся многочисленные рапорты и доношения о закупках и транспортировке провианта, доставке вещевого довольствия и т. д. Материалы аналогичного содержания, относящиеся к воинским частям, дислоцированным в Забайкалье, были изучены в делах ф. 88 («Управление Верхнеудинского коменданта») в ГАРБ (г. Улан-Удэ).

Делопроизводственная документация, относившаяся непосредственно к сфере деятельности Военной коллегии и подчиненных ей структур, отличается значительным своеобразием. В первую очередь она включает *формулярные* (послужные и смотровые) *списки* личного состава русской армии, с определенной регулярностью составлявшиеся в каждой из воинских частей и

⁴⁰ Сенатский архив. СПб., 1889–1913. Т. 2–15.

подававшиеся в соответствующие экспедиции канцелярии Военной коллегии. В РГВИА формулярные списки сосредоточены в ф. 490 «Коллекция офицерских сказок» и ф. 489 «Формулярные списки и другие материалы о службе личного состава русской армии». Материалы первого фонда охватывают в рамках изучаемого периода хронологический отрезок с 1730-х до середины 1780-х гг., второго – с середины 1780-х до середины 1790-х гг. В ф. 490 за период до 1756 г. удалось обнаружить и использовать 35 ед. хр., содержащих списки личного состава (как офицеров, так и рядовых) по шести гарнизонным (три пехотных и два драгунских полка, один пехотный батальон) и пяти полевым (три драгунских и два пехотных полка) частям, дислоцированным за Уралом.

Зато полностью сохранились так называемые «третние списки» офицеров за период 1750–1790-х гг. В ф. 490 было выявлено более 160 ед. хр., содержащих информацию, поступавшую от армейских частей в Сибири; еще почти столько же дел (только не по командам, а по отдельным частям) за вторую половину 1780-х – первую половину 1790-х гг. находятся в ф. 489. Из этого массива дел была произведена выборка в количестве 23 ед. хр., или около 7 %. В выборку вошли несколько хронологических промежутков после каждой очередной реорганизации внутренней структуры Сибирского корпуса. В частности, были использованы сведения за вторую половину 1760-х, первую половину 1770-х и середину – вторую половину 1780-х гг. Такая выборка позволила установить, какое влияние оказывали эти реорганизации на кадровый состав сибирских частей на протяжении нескольких десятилетий, и выявить особенности комплектования Сибирского корпуса в последней трети XVIII в.

Другую разновидность военного канцелярского делопроизводства представляют собой *табели* и *ведомости*, столь же регулярно составлявшиеся по воинским частям и содержавшие данные о численности военнослужащих и их местонахождении в конкретный момент времени, обеспеченности личного состава вооружением и обмундированием, состоянии полковой или батальонной казны, обозов и цейхгаузов. Кроме того, были и некоторые документы, персонально выдававшиеся военнослужащим (прежде всего, офицерам) по тем или иным официальным поводам – *паспорта*, *аттестаты*, *патенты*.

Отдельно следует выделить также *личные прошения*, подававшиеся военнослужащими по тем или иным поводам. Стандартный формуляр – все просьбы адресовались на имя царствующего монарха – не должен вводить в заблуждение; в реальности такие прошения попадали, как правило, к командиру той части, где служил податель, или в соответствующую канцелярию одной из экспедиций Военной коллегии. Наконец, еще необходимо упомянуть о *судебно-следственных делах* по военному ведомству, также включавших специфические разновидности документов. К ним относятся, в частности, протоколы допросов обвиняемых и свидетелей во время следствия; краткие экстракты из них, подававшиеся на рассмотрение членам военного суда;

выносимые судьями сентенции с формулировками приговоров; мнения вышестоящего командования или (в некоторых случаях) губернаторов относительно обоснованности приговоров и адекватности вынесенных наказаний степени тяжести преступлений, подававшиеся в Военную коллегия, где каждый приговор должен был быть утвержден для вступления в законную силу. Судебно-следственные дела, поступавшие в Военную коллегия от различных команд и воинских частей, содержатся в ф. 8 («Генерал-аудиторская экспедиция») РГВИА. Всего в этом фонде были выявлены более 350 ед. хр., относящихся к рядовым и офицерам частей Сибирского корпуса, из них отобраны и использованы около 15 дел (4 %). При отборе было установлено, что тематическое и содержательное разнообразие подобных дел может быть сведено к нескольким типологическим разновидностям, каждая из которых представлена в сделанной выборке.

К справочным источникам относятся ежегодно составлявшиеся в последней трети XVIII в. списки лиц, занимавших чиновничьи должности в аппарате центрального и местного государственного управления, а также владельцев штаб-офицерских чинов и генеральских званий на военной службе. Эти списки публиковались в изданиях учетно-справочного характера, таких, как «Списки Воинскому департаменту» и «Росписи чиновных особ» (адрес-календари), издававшихся со второй половины 1760-х гг.⁴¹ Первые включают сведения о представителях армейского генералитета и лицах в штаб-офицерских чинах (начиная с секунд-майора), состоявших к началу конкретного года на военной службе или занимавших административные должности в аппарате военного управления империи; вторые содержат данные о чиновниках в составе центральных и местных органов государственной власти за каждый год.

Из мемуаров были отобраны те произведения, авторы которых так или иначе были связаны в течение какого-то периода своей жизни с военной службой в Российской империи XVIII в. Стоит отметить, в частности, фрагменты из воспоминаний А. Т. Болотова и М. В. Данилова о пребывании на армейской службе в середине XVIII в.⁴², Г. С. Винского – о нравах военной среды при Екатерине II⁴³. Примыкает к ним и критико-полемическая записка С. М. Ржевского, в которой автор разбирал состояние регулярной армии Рос-

⁴¹ Список Воинскому департаменту и находящимся в штате, при войске, в полках гвардии и в артиллерии, генералитету и штаб-офицерам на 17... год. СПб., 1765–1796; Месяцеслов с росписью чиновных особ в государстве, на лето от Рождества Христова 17... СПб., 1765–1796.

⁴² *Болотов А. Т.* Жизнь и приключения Андрея Болотова, описанные самим им для своих потомков: В 3 т. / Отв. ред. О. А. Платонов. М., 2013. Т. 1. С. 220–960; *Данилов М. В.* Записки Михаила Васильевича Данилова, артиллерии майора, написанные им в 1771 г. (1722–1762) // Безвременье и временщики: Воспоминания об «эпохе дворцовых переворотов» (1720–1760-е гг.) / Сост., подгот. текста, вступ. ст., коммент. Е. В. Анисимова. Л., 1991. С. 313–345.

⁴³ *Винский Г. С.* Записки Г. С. Винского // Русский архив. 1877. Кн. 1. Вып. 1. С. 92–123; Вып. 2. С. 150–164.

сии в последней трети XVIII в.⁴⁴ Деятельности в Сибири губернатора Ф. И. Соймонова посвящена значительная часть его недавно опубликованного мемуарного наследия⁴⁵. Также можно обратить внимание на свидетельства иностранцев, либо находившихся на военной службе в России, как адъютант фельдмаршала Б.-Х. Миниха Х.-Г. фон Манштейн (1730-е – начало 1740-х гг.)⁴⁶, либо наблюдавших русскую армию изнутри и близко соприкасавшихся с военной средой, как французы Ж. Ромм и Ф. Ланжерон (1780–1790-е гг.)⁴⁷.

Наибольший интерес представляет единственная публикация, автором которой оказался офицер, служивший в частях Сибирского корпуса – «Домовая летопись» капитана И. Андреева⁴⁸. Эти мемуары содержат не только описание всего жизненного пути и военной карьеры автора на протяжении второй половины XVIII в., но и многочисленные свидетельства о его встречах с полковыми и корпусными командирами, чьи портреты и характеры он изображал весьма подробно. В его воспоминаниях присутствуют детали, которые невозможно найти в официальных документах, позволяющие реконструировать образ жизни и стереотипы поведения офицера регулярной армии, получившего неплохое образование и обладавшего достаточно широким кругозором.

Использованные источники позволили изучить все необходимые аспекты в рамках темы диссертационного исследования. Источниковая база является достаточной для достижения поставленной цели.

Методология и методы исследования. Методологической основой исследования является *теория модернизации*. Строительство регулярной армии по западноевропейскому образцу в петровскую эпоху и активное использование ее для перестройки государственных и общественных институтов России в последующий период практически единодушно признаются исследователями в качестве одной из важнейших особенностей модернизационного процесса в российской истории. Регулярная армия выступала в российском варианте модернизационного процесса одновременно и как инструмент, и как достигнутый результат. Только с учетом этих особенностей может быть

⁴⁴ Ржевский С. М. Разные замечания по службе армейской, отчего она в упадок приведена и нелестно хорошим офицерам продолжать службу и о полковниках // Русский архив. 1879. Кн. 1. Вып. 3. С. 357–362.

⁴⁵ Ф. И. Соймонов. Рукописное наследие. Из фондов отдела письменных источников Исторического музея. (Труды ГИМ. Вып. 202) / Сост. Н. В. Горбушина, А. Е. Чекунова. М., 2014.

⁴⁶ Манштейн Х.-Г. Записки о России генерала Манштейна // Перевороты и войны / Сост. А. Либерман, В. Наумова; послесл., указ. В. Наумова. М., 1997. С. 62–272.

⁴⁷ Жильбер Ромм о русской армии XVIII в. // Россия и Франция: XVIII–XX вв. / Отв. ред. П. П. Черкасов. М., 2000. Вып. 3. С. 95–112; Ланжерон А. Ф. Русская армия в год смерти Екатерины II. Состав и устройство русской армии // Русская старина. 1895. Т. 84. № 3. С. 147–166; № 4. С. 145–177; № 5. С. 185–202.

⁴⁸ Домовая летопись, писанная капитаном Иваном Андреевым в 1789 г. М., 1871.

объяснена роль армии в политических и социальных процессах послепетровской эпохи.

Исследование выполнено в рамках *новой социальной истории*, в центре внимания которой находятся не только большие социальные группы, но и малые социальные общности и корпорации. Именно к последним относятся воинские части, рассматриваемые как составные элементы регулярной армии, в свою очередь, входившей в систему социальных институтов Российской империи XVIII в. Хорошим примером исследования по истории русской армии, выполненного в рамках данного направления, может служить монография Е. М. Болтуновой, посвященная двум полкам лейб-гвардии (Преображенскому и Семеновскому) в петровскую эпоху, рассматриваемым как социальная общность корпоративного типа⁴⁹. Изучение регулярной армии и сферы военной службы в целом как одной из сфер социальных отношений и активности людей представляется вполне обоснованным, в том числе для периода XVIII в.

В соответствии с формулировкой цели исследования в работе был применен *институциональный подход*. Поскольку регулярная армия являлась одним из элементов системы политических и социальных институтов, то эти последние неизбежно подчиняли военную среду своим задачам: «Институты организуют взаимоотношения между людьми, структурируют повседневную жизнь... задавая набор социальных альтернатив, которые имеются у каждого человека»⁵⁰. В России в XVIII в. армия, помимо чисто военных задач, выполняла внутри страны функции, связанные с организацией политического и социального пространства империи, с одной стороны, обеспечивая реализацию полномочий государственной власти в отношении подданных, с другой – формируя нормы и задавая модели социального поведения, как для военнослужащих, так и для тех групп населения, которые находились с ними в постоянном контакте.

Регионально-управленческий подход использован в отношении Сибири как крупного региона Российской империи в работах А. В. Ремнева, который справедливо подметил, что в рамках этого подхода возможно уделить специальное внимание таким вопросам, как «имперская практика в региональном прочтении... динамика управленческой организации внутрорегионального пространства (властная административно-территориальная и иерархическая структура регионального пространства)»⁵¹. При этом не следует забывать о существенной дистанции между принятием управленческих решений в сфере армейского строительства в столице империи и их практическим воплощением в условиях Сибири, отдаленного от центра региона.

⁴⁹ Болтунова Е. М. Гвардия Петра Великого как военная корпорация. М., 2011.

⁵⁰ Теория и методология исторической науки. М., 2014. С. 134.

⁵¹ Ремнев А. В. Россия Дальнего Востока. Имперская география власти XIX – начала XX вв. Омск, 2004. С. 8.

В исследовании использовались *общенаучные, общеисторические* и *специальные исторические* методы. Из *общенаучных* методов следует назвать анализ и синтез, индукции, классификационный и статистический. *Общеисторические* методы включают принципы историзма и объективности. *Специальные исторические* методы, использованные в ходе исследования: историко-генетический, сравнительный, исторической периодизации, просопографический (биографический).

Научная новизна диссертации. Впервые исследован процесс строительства регулярной армии Российской империи в региональном масштабе с 1725 по 1796 гг. Выявлен комплекс политических факторов, которые определяли содержание и особенности этого процесса на территории Сибири. Изучение кадрового состава армейских частей в регионе доказало, что военная служба оставалась основным каналом вертикальной социальной мобильности в российском обществе на всем протяжении послепетровской эпохи.

Анализ взаимодействия военного командования и органов административного управления, как центрального, так и местного уровней, показал, что армейские части, их офицеры и командиры обладали значительным влиянием в системе имперских институтов власти. Исследование взаимоотношений между военнослужащими и гражданским населением Сибири дало возможность установить, какую роль играли солдаты и офицеры регулярной армии в повседневной жизни региона, какие условия определяли формы контакта между обеими сторонами, варьировавшиеся от позитивного сотрудничества до конфликтов. Введение в научный оборот нового фактического материала уточняет и дополняет сложившуюся в историографии концепцию, относящую регулярную армию к числу важнейших элементов системы политических и социальных институтов Российской империи в XVIII в.

На защиту выносятся следующие положения:

1. Процесс армейского строительства на территории Сибири в рамках всего рассматриваемого периода подразделялся на три этапа. Первый этап (1725–1741 гг.) характеризовался незначительной численностью армейского контингента в Сибири, состоявшего только из гарнизонных частей. Второй этап (1742–1761 гг.) ознаменовался увеличением численности регулярной армии за Уралом путем перевода на восток полевых полков из Европейской России. Третий этап (1762–1796 гг.) начался с организации Сибирского корпуса, что привело к включению воинского контингента в Сибири в общую структуру имперской регулярной армии. В дальнейшем части Сибирского корпуса подверглись реорганизации – сначала гарнизонных полков в батальоны, затем (в 1770-х гг.) полевых полков в легкие полевые команды, из них – в полевые батальоны. После 1796 г. вместо Сибирского корпуса была учреждена 12-я территориальная (Сибирская) инспекция.

2. Кадровый состав армейских частей в Сибири был неоднородным. Гарнизонные полки, дислоцированные в регионе с 1725 г., комплектовались местными уроженцами: сибирскими казаками, посадскими и крестьянами.

Переводы на восток полевых полков в 1744–1745 гг. и в первой половине 1760-х гг. сделали кадровый состав сибирских частей значительно более разнообразным. Военнослужащие в этих полках были уроженцами европейской части страны. С их появлением резко возросла доля представителей российского дворянства, оказавшихся на службе за Уралом, хотя и выходцев из непривилегированных сословий, достигших обер-офицерских чинов, тоже было немало. Среди дворян, служивших в сибирских частях, состоятельных помещиков, земле- и душевладельцев насчитывалось очень немного, большинство представителей «благородного шляхетства» принадлежали к мелкопоместным или даже беспоместным слоям.

3. Организация материального обеспечения (финансирование, поставки вооружения, вещевого довольствия, провиантское снабжение) армейских частей в Сибири постоянно встречала затруднения. Причиной этого были не только отдаленность региона и труднодоступность мест дислокации этих частей. Неразграниченность сфер военного и гражданского управления в государственном аппарате империи в целом, а также антагонизм интересов центральных учреждений и местных администраторов приводили к тому, что военному командованию не всегда удавалось добиваться выделения в полном объеме необходимых средств и ресурсов для снабжения войск. Значительную роль в ходе практической реализации мер по материальному обеспечению армии выполняли не Военная коллегия и другие центральные ведомства, а местные губернаторы, также сами командующие войсками.

4. Служебная деятельность и повседневные занятия военнослужащих проходили в постоянном взаимодействии с населением и местными властями, причем в условиях специфической социальной среды, характерной именно для Сибири. Прежде всего эта среда отличалась отсутствием наиболее бесправной части населения империи – владельческого (крепостного) крестьянства. Данной особенностью было обусловлено разнообразие форм контактов между военными и гражданскими лицами, приводивших как к позитивным, так и к негативным результатам. Военные командиры и их подчиненные были заинтересованы в сотрудничестве с местными органами власти и жителями тех городов и уездов, где располагались их части, однако в ряде случаев злоупотребляли своими полномочиями. К этому добавлялись два фактора, действовавших в масштабе всей страны: во-первых, дефицит ответственных исполнителей на региональном уровне государственного управления; во-вторых, слабость или почти полное отсутствие специализированных структур, отвечавших за жизнеобеспечение регулярной армии.

5. Изучение процесса армейского строительства в региональном масштабе, на материалах Сибири, позволило уточнить и дополнить сложившуюся в историографии точку зрения, согласно которой регулярная армия являлась одной из важнейших составляющих, ключевым элементом системы политических и социальных институтов Российской империи в XVIII в. Именно в Сибири на протяжении изучаемого периода армейские контингенты были

использованы верховной властью в первую очередь для усиления государственного контроля над территорией и населением, сменяя собой иррегулярные формирования сибирского казачества в этой роли. Армейские части, которые должны отвечать за обеспечение обороноспособности государства, охрану границ и ведение внешних войн, здесь выполняли в большей степени полицейские и организационно-управленческие функции. Части регулярной армии выступали в качестве необходимого и чрезвычайно значимого элемента системы российской государственной власти, обеспечивая инкорпорацию в имперское пространство территории Сибири – наиболее отдаленного региона страны, где административные структуры империи не всегда были способны обеспечить адекватное выполнение возложенных на них задач.

Теоретическая значимость исследования. Основное содержание и выводы диссертации вносят существенный вклад в решение вопроса о ключевых факторах и особенностях российского варианта процесса имперостроительства эпохи нового времени. На конкретном эмпирическом материале доказано, что верховная власть, даже в условиях нехватки людских и материальных ресурсов, уделяла заметное внимание строительству регулярной армии в Сибири, поскольку армия выступала опорой имперской государственности на отдаленной «восточной окраине» империи. На всем протяжении рассматриваемого периода отмечен процесс наращивания армейских контингентов на территории Сибири, к концу XVIII в. произошло почти пятикратное увеличение численности военнослужащих регулярной армии к востоку от Урала. Также возросла доля частей, дислоцированных в Сибири, в структуре всей регулярной армии Российской империи.

Вытеснение и замещение иррегулярных формирований казачества частями регулярной армии в качестве основной вооруженной опоры государственной власти в регионе может оцениваться как специфический вариант инкорпорации окраинной территории в имперское пространство российской государственности XVIII в. Передача как чисто военных, так и полицейских функций от казаков к солдатам и офицерам регулярной армии оказалась именно тем средством, которое было использовано верховной властью для установления постоянного контроля за жизнью и деятельностью всех подданных империи в Сибири, причем уже с середины XVIII в. этот контроль осуществлялся через военнослужащих, почти никак не связанных с местной социальной средой. Данная особенность делала контингенты регулярной армии в Сибири максимально эффективным средством в руках государственной власти для поддержания и укрепления имперского политического и социального порядка.

Вместе с тем армейские части к востоку от Урала являлись составным элементом в структуре всех вооруженных сил Российской империи, на них распространялись те же организационные и качественные трансформации, которые были характерны для всей русской регулярной армии. Наконец, как и в масштабе всей империи в целом, регулярная армия в Сибири являлась ка-

налом вертикальной мобильности в сословной структуре общества в XVIII в., оказывала непосредственное влияние на социальную жизнь региона, о чем свидетельствовали активные занятия военнотружущих в сферах, не связанных с военным делом, и их повседневные контакты с гражданскими властями и населением. Лишь в XIX в. регулярная армия утратила активную роль в политической и социальной жизни внутри страны, для XVIII в. эта составляющая должна быть отмечена в качестве важнейшей, особенно на территории Сибири.

Практическая значимость исследования. Материалы диссертации могут быть использованы для разработки и преподавания в вузах общих курсов по истории России и Сибири, а также специальных курсов по истории русской армии. Выявленные данные по кадровому составу армейских частей на территории Сибири в XVIII в. оказывают помощь при проведении краеведческих, генеалогических и просопографических (биографических) исследований. Предложенные в диссертации подходы могут послужить основой для научных работ, посвященных аналогичной проблематике, выполненных на материалах других регионов страны. Содержательная часть и выводы диссертации имеют важное значение для дальнейшего изучения проблем эволюции государственного строя России и процессов империостроительства, роли регулярной армии в российской истории нового времени.

Апробация работы. Основное содержание диссертации и полученные в ходе исследования результаты отражены в 44 научных публикациях (общий объем – 54,5 п. л.), среди них: одна монография объемом 24 п. л., 18 статей в журналах, включенных в Перечень рецензируемых изданий ВАК (общий объем – 15,5 п. л.), 15 выступлений на международных, всероссийских и региональных научных конференциях, 10 публикаций в сборниках научных статей.

Структура работы. Диссертация состоит из введения, четырех глав, заключения, списка использованных источников и литературы, приложений. Последние включают систематизированные сведения обо всех воинских частях (полках и батальонах), в разные годы дислоцировавшихся за Уралом, а также карты размещения воинских частей регулярной армии на территории Сибири в отдельные десятилетия XVIII в. Общий объем рукописи – 439 страниц (21 п. л.).

ОСНОВНОЕ СОДЕРЖАНИЕ РАБОТЫ

Во **введении** обоснована актуальность темы, дан историографический обзор литературы, сформулированы цель и задачи исследования, определены его территориальные и хронологические рамки, охарактеризована источниковая база, изложены методологические принципы, указаны научная новизна работы, ее теоретическая и практическая значимость.

В первой главе «Контингенты регулярной армии в Сибири» исследованы количественные и качественные изменения в составе частей русской регулярной армии в Сибири на всем протяжении изучаемого периода.

Первый параграф «Гарнизонные части в 1725–1741 гг.» посвящен рассмотрению государственной политики в отношении воинских частей регулярной армии, дислоцированных за Уралом с середины 1720-х до начала 1740-х гг. Они были представлены только гарнизонными войсками. К 1725 г. на территории Сибири находился один лишь Сибирский драгунский полк, не считавшийся, однако, полноценной частью регулярной армии. Решение о переводе в Сибирскую губернию нескольких гарнизонных пехотных полков, принятое еще в 1724 г., было обусловлено финансовыми соображениями и логикой расквартирования армейских частей по всей территории страны – введение в действие «Плаката о сборе подушном», согласно которому все армейские полки, как полевые, так и гарнизонные, распределялись по губерниям в зависимости от численности податного населения в каждой из них. К ним добавились и внешнеполитические факторы, связанные с необходимостью заключения договора о границе с Китаем.

Со второй половины 1720-х гг. Якутский гарнизонный полк стал нести пограничную стражу в Забайкалье, тогда как оставшиеся в Западной Сибири Тобольский и Енисейский полки почти не выдвигались к границам империи. На протяжении 1730-х гг. можно говорить о совпадении двух факторов: обострения обстановки на южных границах российских владений в Западной Сибири, что вынуждало местную администрацию ходатайствовать об усилении находившихся в ее распоряжении воинских контингентов, и проводившихся фельдмаршалом Б.-Х. Минихом реформ количественного и качественного состава армии. Результатом действия этих факторов стало формирование в Сибирской губернии дополнительных гарнизонных частей – Новоучрежденных драгунского полка и пехотного батальона. В численном отношении армейские части пока уступали сибирским казакам и другим иррегулярным войскам (7 тыс. чел. против 8–9 тыс. чел. соответственно), еще не став главной вооруженной опорой имперской государственной власти к востоку от Урала.

Во втором параграфе «Гарнизонные и полевые части в 1742–1761 гг.» проанализирован процесс наращивания численности армейских контингентов за Уралом путем перевода сюда полевых частей. Вопрос о необходимости дальнейшего укрепления охраны границ империи в Западной Сибири, поставленный в первой половине 1740-х гг. оренбургским губернатором И. И. Неплюевым и его сибирским коллегой А. М. Сухаревым, привел центральное правительство к мысли о строительстве укрепленных линий, которое будет продолжаться в течение почти двух десятилетий. Именно для несения пограничной службы на новых линиях предназначалась теперь значительная часть гарнизонных войск за Уралом. Одновременно нараставшая угроза русским владениям со стороны Джунгарского ханства вызвала сроч-

ную передислокацию на восток в 1744–1745 гг. пяти полевых армейских полков (Нотебургского и Ширванского пехотных, Луцкого, Олонецкого и Вологодского драгунских) под командованием генерал-майора Х. Киндермана. Плохо подготовленная и проведенная в спешке, эта передислокация, тем не менее, значительно увеличила армейские контингенты в Сибири.

С этого времени части регулярной армии уже превосходили по своей численности линейных и городских казаков, другие иррегулярные формирования (почти 11 тыс. чел. в сравнении с 8–9 тыс. казаков), став главной вооруженной опорой имперской государственной власти в регионе. Также был введен в действие принцип единоначалия в управлении сибирскими частями, которые теперь состояли в составе команды того из представителей армейского генералитета, который назначался сюда специальным решением Военной коллегии.

С середины 1750-х гг., в связи с обострением обстановки в Забайкалье, где до сих пор находился один лишь Якутский гарнизонный полк, местные власти снова начали подавать в столицу проекты наращивания численности регулярной армии. Однако правительство императрицы Елизаветы Петровны, чье внимание было отвлечено на ведение Семилетней войны (1756–1762 гг.), неохотно реагировало на подобные предложения. В итоге дело ограничилось лишь формированием одного Якутского конного полка, к тому же получившего статус подразделения ландмилиции, а не регулярной армии. Кроме того, оказались выведены «за штат» Луцкий и Олонецкий драгунские полки, все еще остававшиеся в Западной Сибири.

В третьем параграфе «Сибирский корпус в 1762–1796 гг.» исследован процесс организации и дальнейшего функционирования Сибирского корпуса как одного из высших соединений, занявшего определенное место в структуре всей регулярной армии Российской империи. Подготовка к организации Сибирского корпуса, начатая с 1762 г., привела к назначению его первым командующим генерал-поручика И. фон Шпрингера в 1763 г., а также к формированию еще двух полевых пехотных полков (Томского и Селенгинского) из ссылаемых в Сибирь беглых старообрядцев, возвращенных в Россию после недавнего завершения Семилетней войны с территории Речи Посполитой – так называемых «польских выведенцев». Одновременно с этим за Урал были передислоцированы еще три полевых драгунских полка: Троицкий, Азовский и Ревельский

Эти шаги означали не только унификацию системы управления сибирскими частями, но и свидетельствовали о распространении на территорию Сибири всех мероприятий, осуществлявшихся в военной сфере страны в целом. Преобразование гарнизонных полков в батальоны, формирование из полевых полков легких команд, а в дальнейшем, на их основе, мушкетерских и егерских полевых батальонов – все эти меры реализовывались в отношении армейских частей на протяжении 1760–1780-х гг. в масштабе всей империи. Это показывает, что подразделения Сибирского корпуса, начиная с 1760-

х гг., фактически утратили свойственное им ранее особое положение в структуре русской армии. Впрочем, некоторые отличия от дивизий, дислоцированных в европейской части страны, Сибирский корпус все же сохранил, что было связано, в первую очередь, с отсутствием необходимости активного участия в боевых действиях против внешних врагов.

При этом уже с 1760-х гг. части регулярной армии значительно превосходили своей численностью иррегулярные воинские формирования (казацьи войска и др.) – 13,5 тыс. чел. к 1780-м гг., до 18 тыс. чел. к 1796 г., что свидетельствовало о превращении армейских частей в основной ресурс имперской государственности не столько для обороны границ, сколько для поддержания и укрепления внутреннего политического и социального порядка в регионе. Не случайно некоторые из армейских частей, дислоцированных в Западной Сибири, были задействованы для борьбы с восстанием Е. Пугачева в середине 1770-х гг.

Во второй главе «**Кадровый состав частей регулярной армии**» изучены основные параметры, характеризующие личный состав воинских частей, дислоцированных в Сибири: происхождение, возрастные показатели, образовательный уровень и боевой опыт военнослужащих.

Первый параграф «Состав гарнизонных частей» посвящен характеристике кадрового состава гарнизонных полков, с 1760-х гг. – гарнизонных батальонов Сибирского корпуса. До середины XVIII в. гарнизонные части, дислоцированные за Уралом, пополнялись в основном за счет сибирских уроженцев, выходцев из всех слоев местного русского населения: детей боярских, казаков, посадских и крестьян. Те из них, кому удавалось дослужиться до обер-офицерских чинов, в дальнейшем пополняли собой ряды сибирских дворян. Это доказывает, что на протяжении второй четверти XVIII в. служба в гарнизонных частях регулярной армии Сибири использовалась местными уроженцами в качестве канала вертикальной социальной мобильности, позволяя достигать привилегированного положения.

Во второй половине XVIII в. ситуация значительно изменилась. Масштабная реорганизация сибирских гарнизонных частей и взятый правительством Екатерины II курс на комплектование даже гарнизонных войск Сибирского корпуса выходцами из европейской части России привели к существенному снижению доли сибиряков в рядах здешнего офицерского корпуса. При этом, как правило, на сибирскую службу попадали представители мелкопоместного или даже неимущего (не располагавшего землями или крепостными душами) дворянства, чье материальное благосостояние почти целиком зависело от успешности карьерного продвижения. Довольно стабильной оставалась в составе «Сибирского гарнизона» и доля лиц нерусского происхождения, причем если до середины XVIII в. они были представлены, в основном, пленными воинами шведской армии Карла XII или их ближайшими потомками, то ближе к концу XVIII в. этнический состав офицерского корпуса гарнизонных частей Сибири стал значительно более разнообразным.

Во **втором параграфе «Состав полевых частей»** по аналогичной схеме дана характеристика кадрового состава полевых полков на протяжении 1740–1760-х гг. и полевых батальонов Сибирского корпуса в последней четверти XVIII в. Полевые полки, передислоцированные на восток в середине 1740-х гг., фактически не отличались по своему кадровому составу от прочих частей русской армии указанного периода. Их офицерский корпус изначально был в значительной степени неоднородным. Прежде всего обращала на себя внимание принадлежность лишь около половины полковых офицеров к дворянскому сословию, а среди последних – заметное преобладание мелких или даже практически неимущих земле- и душевладельцев. Да и в первый период существования Сибирского корпуса (т. е. на протяжении 1760-х гг.) командный состав входивших в его структуру полевых полков мало чем отличался от других частей русской армии в начале царствования Екатерины II.

Большинство среди офицеров полевых частей в Сибири в 1760-х гг. составляли лица, уже достаточно давно находившиеся на службе, обладавшие немалым воинским стажем и значительным боевым опытом. С учетом того, что как раз в этот период возникала реальная угроза военного столкновения с цинским Китаем, следует признать вполне разумной политику привлечения на службу в частях Сибирского корпуса ветеранов ряда кампаний середины XVIII в. Кроме того, служба в Сибири в эти годы еще не рассматривалась в качестве малопочетной ссылки, как это будет в дальнейшем, когда реорганизация внутренней структуры сибирских полевых частей в 70–80-е гг. XVIII в. заметно ухудшила качественный состав офицерского корпуса регулярной армии на «восточной окраине» империи.

В **третьем параграфе «Офицерский корпус регулярной армии: факторы чинопроизводства»** обращено специальное внимание на те показатели, которые могли способствовать успешной военной карьере офицеров регулярной армии в XVIII в. Прежде всего следует указать на значительное повышение уровня общего образования и профессиональной подготовки офицеров русской армии, особенно после 1750-х гг. Уже с середины XVIII в. лиц, не владевших основами грамоты (т. е. не умевших читать и писать), в офицерских чинах не осталось вовсе, а кроме того, начала стабильно возрастать доля людей, обладавших специальными математическими и инженерно-техническими знаниями, знавших иностранные языки. При этом возможность получить специальное военное образование оказывалась доступной не только представителям дворянства, но и выходцам из других сословных групп, в том числе уроженцам Сибири. Это доказывает, что задача, поставленная верховной властью еще со времени правления Петра I – создать образованные классы из военных и чиновников, готовых применять полученные знания на государственной службе – в принципе решалась достаточно успешно, особенно во второй половине XVIII в., даже в сибирских условиях.

Существенные изменения претерпел и порядок чинопроизводства. Если вплоть до 1750-х гг. соблюдался достаточно жесткий порядок прохождения

военной службы и повышения в чинах, установленный еще Петром I, то во второй половине XVIII в. произошло массовое отступление от его норм. Запись на службу несовершеннолетних, начало карьеры с унтер-офицерских чинов или сразу с поступления в лейб-гвардию, несоблюдение даже тех коротких сроков выслуги лет, которые считались официально действующими – все эти феномены приобрели широкое распространение во всех частях русской армии с 1760-х гг., и войска Сибирского корпуса в этом отношении не являлись исключением.

Также можно отметить изменение роли гвардейских частей. Если до середины XVIII в. они оставались привилегированными формированиями, слабо связанными с полевой службой, то в дальнейшем превратились в один из каналов стабильного пополнения офицерского корпуса полевой армии благодаря следующей схеме: зачисление на несколько лет в гвардию с получением там унтер-офицерских чинов, а затем выпуск в полевые части уже в обер-офицерском чине. Интересно, что воспользоваться этой схемой получали возможность не только дворяне, но и представители других сословных групп, попадавшие на службу. При численном преобладании среди офицеров выходцев из дворян и лиц нерусского происхождения возможность приобрести «благородный» статус, тем не менее, все еще не была закрыта для представителей других сословных групп. Регулярная армия являлась стабильно действующим каналом для вертикальной социальной мобильности, пополнение рядов дворянства выходцами из «неблагородных» продолжалось на всем протяжении рассматриваемого периода.

Третья глава «Материальное обеспечение частей регулярной армии» посвящена изучению государственной политики в сфере материального обеспечения армейских контингентов и складыванию механизмов системы снабжения регулярной армии в специфических условиях Сибири XVIII в.

В первом параграфе «Финансирование армейских частей центральными государственными ведомствами» проанализированы меры по организации финансирования частей русской армии в Сибири центральными правительственными учреждениями. Уже в первые десятилетия послепетровской эпохи стало очевидным, что содержать вооруженные силы государства (прежде всего, сухопутную армию) за счет подушного сбора, как это замыслилось Петром I, невозможно. Продолжавшееся на всем протяжении XVIII в. увеличение количественного и качественного состава армии приводило к тому, что при формировании новых воинских частей средства, необходимые для обеспечения их жалованием, вооружением, обмундированием и пр., как правило, приходилось изыскивать из других, самых разнообразных источников. Центральные финансовые ведомства (Штатс-контор-коллегия, Камер-коллегия и др.) вынуждены были перераспределять имевшиеся в их распоряжении суммы для удовлетворения нужд отдельных армейских частей, в том числе дислоцированных в Сибири.

Усугубляло ситуацию еще и то, что на всем протяжении рассматриваемого периода сфера материального обеспечения армии оставалась предметом компетенции множества государственных учреждений. Отсутствие специальной «вертикали» военного управления, отделенной от гражданской администрации, приводило к затягиванию на несколько лет принятия и исполнения решений относительно финансирования отдельных воинских частей в Сибири. Вывод Главного комиссариата, отвечавшего за снабжение армии, из ведомства Военной коллегии и подчинение его напрямую Правительствующему Сенату в начале 1740-х гг. внесли еще большую дезорганизацию в систему материального обеспечения, поскольку не оставляли военному командованию достаточного объема полномочий для того, чтобы настаивать на своих требованиях. Гарнизонные части до середины XVIII в. включительно вообще состояли на балансе местных губернских бюджетов. В этих условиях практическая работа по обеспечению снабжения войск неизбежно ложилась на плечи местной администрации, как в большей мере заинтересованной в поддержании материального благополучия подразделений, дислоцированных на вверенной ей территории.

Во **втором параграфе «Снабжение воинских частей местной администрации»** проанализирована деятельность нескольких сибирских губернаторов во второй половине XVIII в., в частности, Ф. И. Соймонова и Д. И. Чичерина, в сфере организации материального обеспечения армейских частей за Уралом. Если в первой половине XVIII в. сибирские губернаторы, даже вынужденные в ряде случаев принимать решения самостоятельно, все равно старались взаимодействовать с военным командованием и столичными ведомствами, то уже с 1760-х гг. трудно говорить о стабильном сотрудничестве обеих сторон. Провал масштабного проекта губернатора Ф. И. Соймонова по укреплению обороноспособности российских границ в Забайкалье путем формирования нескольких полков ландмилиции был связан в первую очередь именно с нежеланием Сената, Военной коллегии и подчиненных им ведомств, отвечавших за армейское снабжение (Комиссариат, канцелярии Военной коллегии), выделять необходимый объем средств на реализацию этой инициативы. Более того, даже одобрения необходимых и первоочередных мер при наборе Якутского конного полка ландмилиции и дальнейшем переформировании его в полевой карабинерный полк губернатору Соймонову и селенгинскому коменданту В. В. Якоби приходилось добиваться с определенными усилиями.

С назначением сибирским губернатором Д. И. Чичерина, получившего от императрицы Екатерины II чрезвычайно широкие полномочия, центр и вовсе фактически утратил контроль за функционированием системы материального обеспечения войск за Уралом. Как показало расследование комиссии Г. М. Осипова во второй половине 1770-х гг., губернатор Чичерин соглашался сотрудничать лишь непосредственно с командующими Сибирского корпуса (начиная с генерал-поручика И. фон Шпрингера), но совершенно не обра-

шал внимания на распоряжения из центра. Утрата Военной коллегией и ее ведомствами контроля за деятельностью сибирского губернатора и корпусного командования стала, пожалуй, главной причиной тех грандиозных растрат казенных средств на закупки провианта для войск, которые, в конце концов, привлекли внимание Сената и императрицы. Показателен тот факт, что военному ведомству так и не удалось добиться компенсации за те суммы, которые были истрачены Чичериным и его ближайшими сотрудниками в конце 1760-х – первой половине 1770-х гг., так как попытки комиссара Осипова и чиновников его комиссии взыскать убытки с хотя бы выявленных виновников растрат окончились практически ничем.

В **третьем параграфе «Организация провиантского довольствия военным командованием»** рассматривается деятельность военного командования и военнослужащих в сфере провиантского снабжения войск. Военнослужащим приходилось самим выполнять организационно-распорядительные функции по линии провиантского довольствия, поскольку характерная для данного периода неразграниченность полномочий военного ведомства и гражданских властей зачастую приводила к конфликтам между ними, когда ни одна из сторон не проявляла желания брать на себя всю полноту ответственности за эффективность снабжения войск. Кроме того, власти и военное командование вынуждены были постоянно решать дилемму на базе взаимоисключающих принципов: по возможности экономить средства государственной казны, не допуская излишних затрат и убытков «казенному интересу», и одновременно добиваться полноценного снабжения воинских частей провиантом и фуражом регулярно и в надлежащих объемах. В ряде случаев это приводило к тому, что военнослужащие вынуждены были сами исполнять некоторые функции, относившиеся к сфере компетенции местной сибирской администрации – например, постройка судов и транспортировка грузов.

Тем не менее, снабжение провиантом воинских частей даже в специфических условиях Сибири осуществлялось на протяжении всего рассматриваемого периода в целом более-менее успешно. При возникновении каких-либо экстренных или чрезвычайных ситуаций командование Сибирского корпуса совместно с губернскими чиновниками изыскивали нужные средства и ресурсы для исправления положения. Это свидетельствовало об известной гибкости военных и гражданских управленческих механизмов, при необходимости допускавших отступления от жесткой финансовой политики имперского государства, готового жертвовать известной долей доходов именно на нужды военной сферы для поддержания регулярной армии.

Четвертая глава «Служебная деятельность и повседневные занятия военнослужащих» содержит данные о почти не изученных к настоящему времени аспектах повседневных занятий чинов русской регулярной армии в XVIII в., позволяющие определить характер взаимоотношений военнотру-

жащих с окружавшей их социальной средой и формы их взаимодействия с населением.

Первый параграф «Поступление на службу и обязанности военнослужащих» посвящен характеристике процедур рекрутских наборов и перехода иностранцев на военную службу в России как основных каналов пополнения регулярной армии в XVIII в., а также исполнению военнослужащими своих служебных обязанностей. Рядовой состав на протяжении большей части изучаемого периода комплектовался, как и в других регионах империи, путем проведения рекрутских наборов. Комплектование офицерского корпуса носило неоднородный характер. Сибирские уроженцы или сыновья офицеров, уже давно несших службу в регионе, без особых затруднений получали место в составе здешних воинских частей, однако их доля во второй половине XVIII в. сокращалась. С переходом в середине XVIII в. к направлению на службу в Сибири офицеров из европейской части страны не всегда удавалось обеспечить армейские части к востоку от Урала качественным пополнением.

Многообразие сфер служебной деятельности чинов регулярной армии в Сибири, далеко выходящей за рамки военных функций, объяснялось, с одной стороны, невозможностью использовать дислоцированные за Уралом воинские части по прямому назначению – для ведения боевых действий. Подобное положение имело место во всех регионах империи, начиная еще с первой четверти XVIII в., когда именно военнослужащие оказывались проводниками на региональном уровне тех инициатив, которые исходили от верховной власти в политическом и социальном пространстве. Неразграниченность сфер военного и гражданского управления также способствовала усилению влияния людей в мундирах на ход почти любых дел в губерниях и провинциях.

При этом ситуация, складывавшаяся на протяжении рассматриваемого периода именно в Сибири, характерна тем, что большая часть полицейских и организационно-управленческих функций переходила от иррегулярных формирований сибирских казаков в руки чинов регулярной армии. Именно этим способом верховная власть старалась добиться установления контроля за жизнью и деятельностью своих подданных к востоку от Урала, поскольку в рамках сложившейся после Петра I жесткой «административной вертикали» главным средством поддержания и укрепления существующего порядка стали именно армейские части – послушное орудие в руках имперского государства. Сибирское казачество даже в первой четверти XVIII в. не могло выполнять эту роль, так как не было в полной мере включено в систему имперских политических и социальных институтов.

Во втором параграфе «Воинская дисциплина в частях регулярной армии» проанализированы дисциплинарные показатели и наиболее распространенные проступки и правонарушения среди личного состава армейских частей в Сибири. Доступная статистика преступлений, совершавшихся лицами, находившимися на военной службе в Сибири, указывала на заметно бо-

лее высокий уровень поддержания дисциплины в полевых частях в сравнении с гарнизонными. Во второй половине XVIII в. в гарнизонных частях Сибирского корпуса дисциплинарные показатели заметно ухудшились, однако в полевых частях количество совершаемых преступлений оставалось незначительным. При этом именно с 1760-х гг. в армейской среде получили распространение преступления, связанные с экономическими и финансовыми нарушениями, наносившие ущерб казне, тогда как ранее довольно частым явлением были доносы по «слову и делу».

Система военного судопроизводства в регулярной армии XVIII в. также отличалась рядом особенностей. Стремясь к соблюдению принципов объективности, военные власти предписывали рассматривать дела и выносить приговоры судам первой инстанции, в состав которых входили офицеры тех же частей, где несли службу обвиняемые, однако далее эти приговоры в обязательном порядке поступали на утверждение к представителям командующего генералитета, а от них – к генерал-аудитору в Военную коллегию. Следует также отметить, что здесь действовал принцип коллективной ответственности, согласно которому за проступки собственных подчиненных в ряде случаев должны были подвергаться наказанию офицеры и старшие по команде. Трудно сказать, насколько это помогало в плане профилактики правонарушений, однако нельзя не признать, что с учетом того, какой контингент пополнял армию в ходе рекрутских наборов (немалую часть среди рекрут составляли люди, для которых в той или иной степени было характерно социально девиантное поведение), воинская дисциплина, соблюдение законности и правопорядка были, в целом, на должной высоте. Это имело тем большее значение, поскольку в частях, дислоцированных в Сибири, военнотружущие исполняли целый ряд обязанностей, далеко выходявших за рамки чисто военной сферы и подразумевавших необходимость постоянного взаимодействия с гражданским населением.

В третьем параграфе «Повседневные занятия военнотружущих» рассмотрены следующие конкретные аспекты, относившиеся к повседневным занятиям: процедуры снабжения денежным и вещевым довольствием; порядок исполнения военнотружущими отдельных поручений, связанных с необходимостью покидать расположение своих частей; взаимоотношения между ними по тем или иным вопросам, не связанным напрямую с выполнением воинского долга; взаимодействие с гражданским населением. В целом ряде случаев военные фактически принимали на себя часть функций гражданской администрации и местных властей, либо действуя совместно с ними, либо и вовсе подменяя их собой. Это позволяет говорить о том, что высокая степень милитаризации аппарата государственного управления, достигнутая в России еще при Петре I, сохранялась в дальнейшем вплоть до конца XVIII в. Военные имели достаточно возможностей, санкционированных имперским законодательством, для вмешательства во многие сферы повседневной жизни.

Однако даже прав, данных им законом, не всегда хватало для разрешения тех или иных проблем, что нередко вынуждало отступать от действующих норм.

С другой стороны, для получения, например, необходимых финансовых средств военным буквально приходилось «изворачиваться», чтобы не получить обвинений в «похищении интереса» (т. е. в необоснованных растратах). Стремление оформлять выдачу каждой суммы из казны в соответствии с действующими государственными законами и правилами канцелярского делопроизводства зачастую наталкивалось на полную невозможность соблюдать эти нормы во всей их полноте и точности. Избежать чрезмерных расходов и «нецелевого использования» средств удавалось далеко не всегда. В ряде случаев военнослужащие действовали с нарушениями закона и по отношению к гражданским лицам. Несмотря на строгие запреты, содержащиеся в многочисленных инструкциях военных командиров своим подчиненным, их распространенность и многократные повторы наталкивают на мысль, что злоупотребления и превышение должностных полномочий, особенно во взаимоотношениях с гражданским населением, были нередким явлением в рядах регулярной армии в XVIII в., в том числе и в Сибири. Правда, можно заметить, что в некоторых случаях военнослужащие сталкивались с сопротивлением своим неправомерным действиям, что характеризует специфику именно социальной среды изучаемого региона. Население Сибири, состоявшее не из бесправных крепостных крестьян, а из людей, считавших себя свободными обладателями ряда личных прав, воспринимало произвол властей и, в частности, правонарушения со стороны военных без особой покорности, реагируя теми или иными мерами самозащиты.

В заключении подведены итоги исследования, сделаны основные выводы.

Первый этап государственной политики в сфере армейского строительства, продолжавшийся до конца 1741 г., характеризовался незначительной (в сравнении с другими регионами страны) численностью войскового контингента в Сибири (от четырех до семи тыс. чел., около 2–3,5 % от общей численности регулярной армии империи), к тому же состоявшего только из гарнизонных частей. Попытки местной администрации добиться наращивания численности войск за Уралом столкнулись с нежеланием центральной власти изыскивать необходимые для этого средства и ресурсы. В результате дело ограничилось лишь формированием еще двух гарнизонных частей, драгунского полка и отдельного пехотного батальона, которое растянулось на несколько лет. Численность военнослужащих регулярной армии в Сибири уступала численности сибирского казачества, хотя уже на данном этапе соотношение кадровых армейских чинов с населением региона оказалось чуть большим, чем по стране в целом (один на 85 чел. обоего пола против среднего показателя один на 90 чел.).

Второй этап, пришедшийся на два десятилетия пребывания у власти императрицы Елизаветы Петровны (1742–1761 гг.), ознаменовался увеличением

численности регулярной армии за Уралом путем перевода на восток пяти полковых полков из европейской части страны (двух пехотных, впрочем, недолго задержавшихся здесь, и трех драгунских), а также активизацией строительства пограничных укрепленных линий, где в дальнейшем стали дислоцироваться сибирские полки. Эти действия представляли собой реакцию верховной власти на внешнюю угрозу со стороны Джунгарского ханства. Однако данные меры коснулись лишь границ империи в Западной Сибири и на Алтае, в Забайкалье же изменений численности и качественного состава войск почти не произошло. Проекты, указывавшие на необходимость укрепления российских рубежей в Восточной Сибири, подававшие местными администраторами, отклонялись столичными ведомствами, прежде всего, из-за значительных материальных затрат, которых требовало их воплощение в жизнь. С другой стороны, передача всех армейских частей за Уралом под командование назначаемых из центра представителей генералитета свидетельствовала о включении сибирских полков в общую структуру управления регулярной армии России в середине XVIII в., хотя и в несколько «пониженном» статусе (это показывал вывод «за штат» двух драгунских полков из числа сибирских частей в годы Семилетней войны). Необходимо отметить, что уже в эти десятилетия численность армейских чинов за Уралом превзошла численность иррегулярных казачьих формирований (не менее 12 тыс. чел. в середине 1740-х гг., более 10 тыс. чел. в 1750-х гг.), их доля в структуре всей регулярной армии России возросла до 4 %, а в соотношении с населением Сибири один кадровый военнослужащий приходился на 70 чел. обоего пола (при среднем по стране показателе один на 75–80 чел.).

Наконец, третий этап, начавшийся с мер, проведенных в первые годы царствования императрицы Екатерины II (1762–1796 гг.), привел к окончательному «встраиванию» воинского контингента в Сибири в общую структуру имперской регулярной армии. Организация Сибирского корпуса и назначение его командующим генерал-поручика И. фон Шпрингера означали унификацию системы военного управления сибирских частей и объединение их в рамках одного из высших соединений русской армии. Угроза военного конфликта с цинским Китаем, чьи вооруженные силы после разгрома Джунгарского ханства вышли вплотную к границам Российской империи, заставила верховную власть предпринять ряд мер по усилению армейской группировки в регионе. Они включали как дальнейшую переброску за Урал еще нескольких драгунских полков, так и формирование на месте двух пехотных полков из ссыльных старообрядцев (так называемых «польских выведенцев», возвращенных в Россию после завершения Семилетней войны из пределов Речи Посполитой). Это позволило довести численность армейских контингентов в Сибири до 15–16 тыс. чел. Даже формирование новых казачьих полков из бурят и тунгусов в Забайкалье не изменило соотношение регулярных и иррегулярных вооруженных контингентов на территории империи за Уралом, численный перевес сохраняли первые.

Однако, когда прямая угроза вооруженного конфликта миновала, Сибирский корпус был сокращен путем вывода из Сибири двух пехотных полков, а оставшиеся части подверглись реорганизации – сначала гарнизонных полков в батальоны, затем (в 1770-х гг.) полевых полков в легкие полевые команды (когорты), из них в дальнейшем – в полевые батальоны (мушкетерские и егерские). К концу рассматриваемого периода в составе Сибирского корпуса числились лишь три полка – Ширванский мушкетерский (вновь передислоцированный на восток в 1780-х гг.), а также Сибирский и Иркутский драгунские (сформированы в конце 1770-х – 1780-х гг.). Остальные части были представлены только батальонами. Такая структура не была исключительным явлением в русской регулярной армии к концу XVIII в.: аналогичный состав имели Оренбургский корпус, дислоцированный на Урале, а также группа войск на Северном Кавказе. С началом царствования Павла I (1796–1801 гг.) и введением системы территориальных инспекций структура и состав сибирских частей были окончательно унифицированы и приведены в полное соответствие с аналогичными параметрами контингентов регулярной армии в Европейской России. Общая численность всех полков и батальонов Сибирского корпуса к 1796 г. составила не менее 18 тыс. чел., что давало долю в 3,8 % от всей регулярной армии империи. По-прежнему сохранялось более высокое соотношение военнослужащих с численностью населения региона: один кадровый чин регулярной армии на 70 чел. обоего пола при среднем по стране показателе один на 80 чел.

Положение регулярной армии в системе политических и социальных институтов Российской империи в XVIII в. на региональном (сибирском) уровне характеризуется следующими принципиальными особенностями. Во-первых, верховная власть не всегда располагала надлежащими людскими и материальными ресурсами для эффективной организации процесса армейского строительства в масштабах региона. В Сибири необходимость наращивания армейских контингентов была обусловлена не столько задачами защиты государственных границ, сколько заменой иррегулярных формирований сибирского казачества частями регулярной армии в качестве главной вооруженной опоры имперского государства, и эта тенденция сохранялась на всем протяжении рассматриваемого периода. Правда, когда интересы военного ведомства вступали в противоречие с интересами финансовых учреждений или грозили чрезмерными потерями государственной казне, правительство все-таки вынуждено было сдерживать аппетиты военных. Попытки максимально детальной регламентации и контроля за использованием военнослужащими тех средств, которые выдавались им из казны, показывали, что как военное командование, так и его подчиненные не могли распоряжаться по собственному усмотрению людьми и ресурсами даже в условиях Сибири, отдаленного от имперского центра региона.

Во-вторых, роль армейских частей в процессе конструирования имперского государственного порядка в регионе была значительной, но не домини-

рующей. Задачи комплектования и поддержания боеспособности, управления и материального снабжения войск решались путем взаимодействия трех акторов: центральных ведомств, местных властей и военного командования. Местная администрация имела возможность оказывать влияние на состояние контингентов регулярной армии в Сибири в большей степени, чем имперский центр. Прямая зависимость успешности материального обеспечения воинских частей от лояльного отношения и усилий местных властей вынуждала военное командование искать пути сотрудничества с сибирскими губернаторами и «статскими» чиновниками. Во второй половине XVIII в. центральные государственные учреждения в значительной мере утратили контроль над положением армейских частей к востоку от Урала, что приводило к самостоятельным действиям местных органов власти и командующих Сибирского корпуса при решении текущих вопросов. Также этим было обусловлено вовлечение военнотружущих частей регулярной армии в Сибири в повседневную деятельность в целом ряде сфер, лежавших за пределами собственно военного дела.

В-третьих, регулярная армия сохраняла важное значение в качестве механизма социального «лифта» в структуре российского иерархизированного социума периода империи. Действовавший с петровской эпохи принцип выслуги дворянского звания на военной службе с успехом использовался верховной властью для отбора сколько-нибудь талантливых и честолюбивых представителей непривилегированных групп населения страны и комплектования ими командных и чиновничьих кадров. Общность интересов во время пребывания на службе, особенно в таком отдаленном регионе, как Сибирь, обеспечивала высокую степень внутреннего единства и корпоративной сплоченности военнотружущих. Полиэтничному и поликонфессиональному по своему составу офицерскому корпусу частей регулярной армии России удавалось поддерживать своих рядовых подчиненных в состоянии стабильно высокой боеспособности и внутреннего порядка без применения максимально жестких мер, дисциплинарных взысканий и наказаний. Массовый приток выходцев из европейских стран на военную службу в Россию, продолжавшийся весь XVIII в., свидетельствовал о том, что карьера в русской армии рассматривалась как многообещающая стезя многими современниками, вне зависимости от их этнического происхождения.

Таким образом, в рамках модели имперской государственности, выстроенной в России Петром I, на всем протяжении ее дальнейшего развития в XVIII в. регулярная армия занимала значительное место. Будучи формально предназначена для обеспечения обороноспособности государства, охраны границ и ведения внешних войн, армия также выполняла полицейские и организационно-управленческие функции на всей территории империи. Эти особенности ее статуса играли самую заметную роль в условиях Сибири – наиболее отдаленного региона страны, где структуры имперского государства не всегда были способны в полной мере обеспечивать выполнение воз-

ложенных на них задач. Именно части регулярной армии, сменяя собой сибирское казачество в качестве главной вооруженной силы и опоры государственного порядка на территории Сибири, обеспечивали инкорпорацию этого региона в имперское пространство, подчинение жизни и деятельности подданных имперского государства тем же нормам и институтам, что и в масштабе всей страны. Исходя из этого, можно заключить, что регулярная армия должна быть признана не только одним из ключевых элементов сложившейся в Российской империи в XVIII в. системы взаимоотношений «власть – общество», но и средством утверждения и поддержания имперского политического и социального порядка на окраинной части территории государства.

Основные положения и результаты диссертационного исследования отражены в следующих публикациях:

Статьи в журналах, входящих в Перечень рецензируемых изданий ВАК:

1. *Дмитриев А. В.* Гарнизонные войска русской армии на территории Сибири в правление Анны Иоанновны (1730–1740 гг.) // Вестник Новосибир. гос. ун-та. Серия: История, филология. 2009. Т. 8. Вып. 1. С. 11–19.
2. *Дмитриев А. В.* Состав и структура полевых и гарнизонных полков русской армии в Сибири середины XVIII в. (1740-е гг.) // Вестник Новосибир. гос. ун-та. Серия: История, филология. 2010. Т. 9. Вып. 1. С. 85–92.
3. *Дмитриев А. В.* Перевод полевых частей русской армии в Сибирь в 1744–1745 гг. // Вестник Новосибир. гос. ун-та. Серия: История, филология. 2011. Т. 10. Вып. 1. С. 61–68.
4. *Зуев А. С., Дмитриев А. В.* Армейские регулярные части в Сибири в XVIII – начале XIX в.: численность, состав, дислокация // Вестник Новосибир. гос. ун-та. Серия: История, филология. 2012. Т. 11. Вып. 1. С. 17–29.
5. *Дмитриев А. В.* Регулярные полки русской армии в Сибири во второй четверти XVIII в.: дислокация, комплектование и личный состав // Военно-исторический журнал. 2012. № 6. С. 48–54.
6. *Дмитриев А. В.* Офицерский корпус драгунских полков русской армии в Сибири в первой половине 1750-х гг. // Вестник Новосибир. гос. ун-та. Серия: История, филология. 2012. Т. 11. Вып. 8. С. 35–44.
7. *Дмитриев А. В., Зуев А. С.* Формирование подразделений регулярной армии в Сибири середины 1760-х гг.: планы и достигнутые результаты // Вестник Новосибир. гос. ун-та. Серия: История, филология. 2013. Т. 12. Вып. 1. С. 31–38.
8. *Дмитриев А. В.* Организационные изменения в составе контингентов русской регулярной армии в Сибири (конец 1750-х – 1760-е гг.) // Вестник Новосибир. гос. ун-та. Серия: История, филология. 2013. Т. 12. Вып. 8. С. 80–88.

9. *Дмитриев А. В.* Офицерский корпус гарнизонных батальонов Сибири в начале 1770-х гг. (по данным формулярных списков) // Вестник Новосиб. гос. ун-та. Серия: История, филология. 2014. Т. 13. Вып. 1. С. 42–50.
10. *Дмитриев А. В.* Была ли Россия «дворянской империей»? Некоторые аспекты военной службы дворянства в середине XVIII в. // Российская история. 2014. № 4. С. 102–111.
11. *Дмитриев А. В.* Командный состав полевых полков Сибирского корпуса во второй половине 1760-х гг. // Известия УрФУ. Серия 2. Гуманитарные науки. 2015. № 2 (139). С. 100–111.
12. *Дмитриев А. В.* «Велено для той экспедиции быть нижеобъявленным полкам». Инструкция Военной коллегии командующему Сибирским корпусом генерал-майору Х. Киндерману. 1744 г. // Исторический архив. 2016. № 1. С. 179–186.
13. *Дмитриев А. В.* Офицеры «Сибирского гарнизона» в середине 1780-х гг. // Вестник Томского гос. ун-та. 2016. № 406 (Май). Филология. История. Право. С. 64–71.
14. *Дмитриев А. В.* Офицеры полевых частей Сибирского корпуса в конце XVIII в. // Вестник Пермского университета. Серия История. 2016. Вып. 2 (33). С. 42–50.
15. *Дмитриев А. В.* Конец карьеры сибирского губернатора Д. И. Чичерина: дело о заготовлении провианта для войск Сибирского корпуса // Гуманитарные науки в Сибири. 2016. Т. 23. № 2. С. 62–67.
16. *Дмитриев А. В.* Организация провиантского снабжения в русской армии середины – второй половины XVIII в. // Вестник Нижневартовского гос. ун-та. 2016. Вып. 3. С. 7–13.
17. *Дмитриев А. В.* Взаимоотношения военнослужащих регулярной армии с гражданскими властями и населением Сибири во второй половине XVIII в. // Гуманитарные науки в Сибири. 2017. Т. 24. № 4. С. 16–20.
18. *Дмитриев А. В.* Реорганизация частей русской регулярной армии в Забайкалье в первой половине 1760-х гг. // Вестник Томского гос. ун-та. История. 2018. № 51. С. 37–44.

Монографии:

19. *Дмитриев А. В.* Русская регулярная армия в Сибири (1725–1796): особенности военной службы на «восточной окраине» Российской империи в XVIII столетии. М.; СПб.: Центр гуманитарных инициатив, 2017. 528 с.

Статьи в прочих научных изданиях:

20. *Дмитриев А. В.* Строительство регулярной армии в России XVII–XVIII в. в освещении отечественной историографии: спорные вопросы и нерешенные проблемы // Сибирь в контексте отечественной и мировой исто-

- рии XVII–XXI вв.; Бахрушинские чтения 2007 г.; Межвуз. сб. науч. тр. Новосибирск: РИЦ НГУ, 2007. С. 12–27.
21. *Дмитриев А. В.* Политика правительства императрицы Анны Иоанновны (1730–1740) в отношении гарнизонных войск русской армии на территории Сибири // Исторический ежегодник. 2008: Сб. науч. тр. / Институт истории СО РАН. Новосибирск: Рипэл, 2008. С. 72–88.
 22. *Дмитриев А. В.* Офицеры русской армии на сибирской службе в 30-х гг. XVIII в. (По материалам Якутского пехотного полка) // Исторические исследования в Сибири: проблемы и перспективы: Сборник материалов II региональной молодежной научной конференции. Новосибирск: «Параллель», 2008. С. 117–126.
 23. *Дмитриев А. В.* Вопрос о времени строительства регулярной армии в России в освещении отечественной историографии // Катанаевские чтения: Материалы Седьмой Всероссийской научно-практической конференции (Омск, 16–17 мая 2008 г.) / Отв. ред. О. В. Гефнер, В. Л. Кожевин, Н. А. Томилов. Омск: ООО «Издательский дом “Наука”», 2008. С. 43–46.
 24. *Дмитриев А. В.* Унтер-офицеры в русской армии времен Анны Иоанновны: сословное происхождение и социальный статус // Первые Ермаковские чтения «Сибирь: вчера, сегодня, завтра»: мат-лы регион. науч. конф. (Новосибирск, 21 декабря 2008 г.) / Редкол.: Е. А. Базылева, Д. В. Крупницкий, В. К. Логинкин, Д. Г. Симонов, Ю. А. Фабрика, Е. Ф. Фурсова. Новосибирск: Изд-во СО РАН, 2009. С. 127–134.
 25. *Дмитриев А. В.* Иностранцы офицеры на службе в полевых и гарнизонных войсках на территории Сибири (середина XVIII в.) // «Aus Sibirien – 2009»: науч.-инф. сб. Тюмень: Издательско-полиграфический центр «Экспресс», 2009. С. 50–52.
 26. *Дмитриев А. В.* Механизмы материального обеспечения полевых и гарнизонных полков русской армии в Сибири в середине XVIII в. // Исторические исследования в Сибири: проблемы и перспективы: Сборник материалов III региональной молодежной научной конференции. Новосибирск: «Параллель», 2009. С. 76–83.
 27. *Дмитриев А. В.* Драгунские полки русской армии на службе в Сибири в середине XVIII века (1740-е годы) // Исторический Ежегодник. 2009: Сб. науч. тр. / Институт истории СО РАН. Новосибирск: Рипэл, 2009. С. 216–229.
 28. *Дмитриев А. В.* Проблемы финансирования полевых частей русской армии в Сибири середины XVIII в. // Вторые Ермаковские чтения «Сибирь: вчера, сегодня, завтра»: мат-лы межрегион. науч. конф. (Новосибирск, 20–21 ноября 2009 г.) / Редкол.: Е. А. Базылева, В. В. Захаров, В. К. Логинкин, Н. Н. Савина, Д. Г. Симонов, Ю. А. Фабрика, Е. Ф. Фурсова. Новосибирск: Изд-во СО РАН, 2010. С. 181–186.
 29. *Дмитриев А. В.* Уровень дисциплины и нарушения закона в русской армии середины XVIII в.: (социально-политическая адаптация военнотру-

- жащих в условиях Сибири) // Исторические исследования в Сибири: проблемы и перспективы: Сборник материалов IV региональной молодежной научной конференции. Новосибирск: «Параллель», 2010. С. 54–62.
30. *Дмитриев А. В.* Продовольственное снабжение воинских частей на территории Сибири в 1740-е гг.: меры по организации и механизмы адаптации // Исторический Ежегодник. 2010: Сб. науч. тр. / Институт истории СО РАН. Новосибирск: «Параллель», 2010. С. 169–178.
 31. *Дмитриев А. В.* Гарнизонные части русской армии на территории Сибири в 1740-е гг. // Единорогъ: Материалы по военной истории Восточной Европы эпохи средних веков и раннего нового времени / Гл. ред. А. В. Малов. М.: «Квадрига», 2011. Вып. 2. С. 132–146.
 32. *Дмитриев А. В.* К вопросу о причинах и обстоятельствах переброски на российские границы в Западной Сибири армейских частей в середине XVIII в. (1744–1745 гг.) // Социально-экономические и этнокультурные процессы в Верхнем Прииртышье в XVII–XX веках: Сборник материалов международной научной конференции (Новосибирск, Институт истории СО РАН, 28–29 сентября 2010 г.). Новосибирск: «Параллель», 2011. С. 43–48.
 33. *Дмитриев А. В.* Роль центральных и местных государственных учреждений в организации материального обеспечения гарнизонных частей русской армии в Сибири (середина XVIII века) // Исторический ежегодник. 2011: Сб. науч. тр. / Институт истории СО РАН. Новосибирск: «Параллель», 2011. С. 120–126.
 34. *Дмитриев А. В.* Этническое и сословное происхождение офицеров-иностранцев на военной службе в Сибири середины XVIII в. (1750-е гг.) // «Aus Sibirien – 2011»: науч.-инф. сб. Тюмень: «Печатник», 2011. С. 58–61.
 35. *Дмитриев А. В.* Некоторые особенности повседневной жизни и быта военнослужащих регулярных частей русской армии в Сибири (вторая четверть XVIII в.) // Актуальные проблемы исторических исследований: взгляд молодых ученых: Сборник материалов II Всероссийской молодежной научной конференции (Новосибирск, 22–24 августа 2012 г.). Новосибирск: «Параллель», 2012. С. 62–70.
 36. *Дмитриев А. В.* К вопросу о передислокации армейских регулярных частей в Забайкалье во второй половине 1750-х гг. // Исторический ежегодник. 2012: Сб. науч. тр. / Институт истории СО РАН. Новосибирск: «Параллель», 2012. С. 243–254.
 37. *Дмитриев А. В.* Изменения в структуре и внутренней организации Сибирского корпуса на протяжении первой половины 1760-х гг. // Военно-образовательные учреждения: история, современность, вклад в науку и культуру: Материалы Международной научной конференции, посвященной 200-летию Омского кадетского корпуса (Омск, 16 мая 2013 г.) / Отв.

- ред.: Д. А. Алисов, О. В. Гефнер, В. Л. Кожевин, Н. А. Томилов. Омск: «Издатель-Полиграфист», 2013. Т. 2. С. 137–141.
38. *Дмитриев А. В.* Боевой опыт офицеров гарнизонных батальонов Сибири в начале 1770-х гг.: опыт анализа данных послужных списков // Актуальные проблемы исторических исследований: взгляд молодых ученых: Сборник материалов III Всероссийской молодежной научной конференции (Новосибирск, 21–24 августа 2013 г.). Новосибирск: «Параллель», 2013. С. 100–107.
 39. *Дмитриев А. В.* Офицеры неправославных исповеданий в полках Сибирского корпуса (60-е гг. XVIII в.) // «Aus Sibirien – 2013»: науч.-инф. сб. Тюмень: Изд-во ТюмГУ, 2014. С. 45–48.
 40. *Дмитриев А. В.* Уровень общего образования и профессиональной подготовки офицеров русской армии на протяжении XVIII в. по данным именных списков полевых и гарнизонных частей Сибири // Актуальные проблемы исторических исследований: взгляд молодых ученых: Сборник материалов Международной молодежной научной конференции (Новосибирск, 21–23 августа 2014 г.). Новосибирск: «Параллель», 2014. С. 65–71.
 41. *Дмитриев А. В.* Чинопроизводство офицеров русской армии XVIII в.: основные принципы и эволюция реальной практики // Границы и маркеры социальной стратификации в России XVII–XX вв.: Материалы первого Всероссийского научного семинара / Институт истории и археологии УрО РАН. Екатеринбург: Банк культурной информации, 2014. С. 42–59.
 42. *Дмитриев А. В.* Легкие полевые команды Сибирского корпуса в начале 1770-х гг. // Вестник Тюменского гос. ун-та. Гуманитарные исследования. Humanitates. 2015. Т. 1. № 2 (2). С. 148–155.
 43. *Дмитриев А. В.* Иностранцы – полковые лекари в русской армии XVIII в. // «Aus Sibirien – 2017»: науч.-инф. сб. Тюмень: Изд-во ТюмГУ, 2017. С. 39–43.
 44. *Дмитриев А. В.* Иностранцы и русские на военной службе в Сибири во второй половине XVIII в.: особенности поступления и выхода в отставку // Личность, общество и власть в истории России: Сборник научных статей, посвященный 70-летию д-ра ист. наук, проф. В. И. Шишкина / Институт истории СО РАН. Новосибирск: Изд-во СО РАН, 2018. С. 38–52.